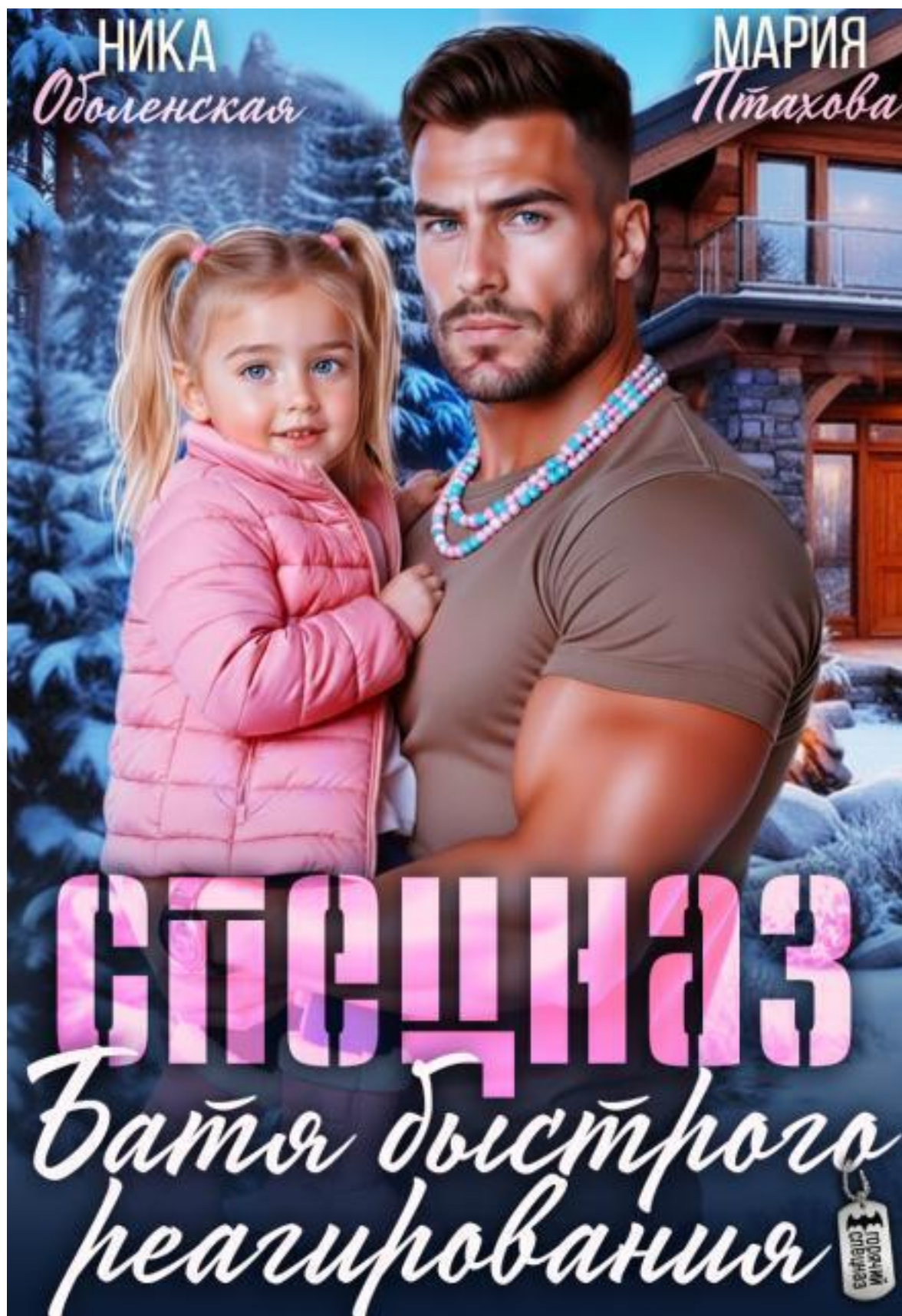

НИКА
Оболенская

МАРИЯ
Птахова

Ника Оболенская

Спецназ. Батя
быстрого реагирования

«Литнет»

2025

Оболенская Н.

Спецназ. Батя быстрого реагирования / Н. Оболенская —
«Литнет», 2025

— Ты не Дед Мовоз, — тихо произносит дочь и переводит взгляд на меня.
— Папочка? У Снегурки подозрительно бегают глаза. Та-а-ак, это еще что за пердимонюкль? — Гхм-гхм, — тонко намекаю, что надо отрабатывать хлеб.
— А-а-а я... Я его внука! Она присаживается перед Оливкой на корточки, полы ее наряда распахиваются, и я стреляю взглядом ниже. А-фи-ге-ть какой арсенал у Снегурочки! Не понял, эта дама точно пришла к детям? *** Я, вообще-то, не Снегурочка! Костюм — да, а я — нет. Это просто нелепейшая случайность, и меня здесь быть не должно. Но как отказать, если на меня с мольбой смотрит самая прекрасная девочка на свете, а от взглядов ее папы можно растаять. В книге присутствует:♥# Один настоящий мужчина ♥# Одна медсестричка с характером ♥# Две очаровательные дочурки-бандитки ♥# И одна измена, которая запустила цепочку неожиданных, курьезных событий...!#ВНИМАНИЕ : В связи с участвовавшими случаями конфузов с кофе и едой, а также дикого ржача по ночам предупреждаем — В КНИГЕ МАХ КОНЦЕНТРАЦИЯ ЮМОРА** — смейтесь на здоровье!

Содержание

Глава 1. Тимур и его команда	5
Глава 2. Слово	9
Глава 3. Квасота	12
Глава 4. Где второй?	15
Глава 5. Мать Тереза	17
Глава 6. Снегурочку вызывали?	19
Глава 7. Клубничка	21
Глава 8. Боже, какой мужчина!	23
Глава 9. Срам	26
Глава 10. Мужиканище и Федя	28
Глава 11. Враг себе?	31
Глава 12. Снежинки	33
Глава 13. Будем знакомы	35
Глава 14. Удар ниже пояса	38
Глава 15. Опять!	40
Глава 16. Сердечная реанимация	42
Глава 17. А вдруг это судьба?	44
Глава 18. Однозначно	46
Глава 19. Не тупить	48
Глава 20. Страшилки	51
Глава 21. Холодец и лихорадка	54
Глава 22. И выносят меня...	57
Глава 23. Удачной охоты	59
Глава 24. Не в ту дверь	61
Глава 25. Кэшбэк	63
Глава 26. Борщ и котлеты	65
Глава 27. Форменное издевательство	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1. Тимур и его команда

Внимание: Данная книга предназначена исключительно для читателей старше 18 лет! В тексте присутствуют: нецензурная брань, сцены курения и употребления алкоголя, сцены эротического содержания. Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении. Все события, места и персонажи являются вымышленными, любые совпадения случайны. Книга носит исключительно развлекательный характер.

Тимур

— Вы только посмотрите, что ваша дочь сделала! — надрывается дама, медвежьей хваткой прижимая к себе свое бесценное чадо.

Чадо, к слову, надрывается едва ли не громче матери.

Толпа мамочек, что сбежались со всей игровой, неодобрительно гудит и открыли по мне перекрестный огонь. Аж шкура зудит.

Веду плечами и бегло оглядываю пацана. С виду — здоров и даже не в меру упитан. Ни тебе крови из-под носа, ни ссадин, ни переломов...

Я-то знаю, о чем говорю.

Еще с Валериком как открыли этот марафон поездок в травму, так он и продолжается уже с младшей Оливкой.

А здесь абсолютно здоровый ребенок с абсолютно неадекватной мамашей.

Эй! Я не сексист. Ничего не имею против женщин в целом и язматерей в частности. Первых я люблю, вторых понимаю. В конце концов, я сам — язбать и прошел не менее заковыристый путь родительства.

Но такие экземпляры, которые из-за каждого пука и заусенца отпрыска устраивают цирк с конями, до сих пор вызывают у меня крайнюю степень изжоги, грозящую перейти в диарею.

И прямо сейчас я чувствую, как медленно, но верно начинаю закипать.

— Ну-у-у это же дети, так бывает, — предпринимаю попытку мирных переговоров с противником. — Заигрались. Может, повздорили из-за игрушки...

— Мой Святозар и пальцем вашу дочь не тронул!.. — перебивает ажемасть. — А она его укусила! Вот, смотрите!..

С пылающим от гнева лицом она тычет пальцем в ярко-красный след на пухлой руке отпрыска.

Мда. Боец, это залет.

Перевожу вопросительный взгляд на Оливку.

— Не кусава я! — подает она голос и дергает худеньким плечиком. — Бовьно надо! Вдвуг он завазный и не пвивитый!

— Моя дочь его не кусала, — перевожу самое важное.

— Зато все видели, как она его повалила на пол и лбом стукнула! — ничуть не растерявшись парирует яжемасть. — А вдруг у него сотрясение?

Она проворно хватает чадо за щеки и вертит его голову.

— Сыночек, головушка кружится?

— Ды-а-а!

Да у меня у самого бы уже вертолеты были от таких амплитуд. И, вообще, по опыту скажу, что сотряс так не выглядит.

Ага, опыта боевого у меня дохуя.

— Вызовите кто-нибудь скорую! — не унимается яжемать, набрасывая новую порцию говна на вентилятор.

Кто-то даже хватается за телефон.

— Вы серьезно? — вырывается у меня. — Из-за такой ху... кхм... фигни сейчас дернете бригаду с вызова?!

— И полицию! — припечатывает яжемать.

Да ебутся гуси в кукурузе!

Не выдерживаю и театрально закатываю глаза:

— А чего так скромно? Давайте уж сразу спецназ! Группу «альфа»!

Я, кстати, уже здесь. И готов лично ликвидировать особо буйнопомешанных и выдать пиздов авансом всем причастным и деепричастным.

— Вы, мужчина, не ерничайте, а лучше с вашей бандиткой поговорите! — в нарушение всех правил педагогики, отбρίζει меня Святозарова родительница. — Сами не воспитывают, а нам страдай. И, вообще, где её мать?

— Вам в рифму ответить? — огрызаюсь.

Чувствую как внутри вот-вот рванет уже порядком раскочегаренный котел.

Дышу по квадрату и присаживаюсь рядом с насупленной Оливкой.

— Это правда? Засандалила пацану в лобешник?

Дочь упрямо поджимает губы, но все же нехотя отвечает:

— Взява на боевой.

На болевой, значит.

Невольно хмыкаю, испытывая чисто папскую гордость за дочь.

Ну какова, а? Еще лет пятнадцать, и сама будет мужикам яйца откручивать лучше бати.

Можно спокойно на пенсию выходить, но сейчас надо провести небольшой воспитательный процесс.

— И почему ты так поступила? — спрашиваю, уже заранее зная дальнейший сценарий.

Губешки Оливки еще сильнее выпячиваются, в глазах же горит непримиримый огонь партизанских отрядов.

Ага, значит, за дело втащила, но не расколется.

Вздыхаю и обращаюсь к мальчику:

— Святозар, за что она тебя ударила?

Его мать начинает кудахтать, но я жду ответа от пацана.

Вытерев соплю под носом, тот угрюмо буркает:

— Дура потому что.

— Сам дувак! — тут же выступает Оливка.

Мда.

— Боже, какая невоспитанная хамка! — тут же вылезает со своим бесценным мнением яжемать. — Ну вы еще ответите за это...

А вот это она зря.

У меня тихо щелкает в башке тумблер, переводя систему в режим «работает группа захвата».

Поднимаю дочь на руки и пригвождаю до хера деятельную женщину своим фирменным взглядом, от которого мои бойцы вытягиваются в струнку.

— Значит, так, — обрубая все разговорчики.

Мой голос с легкостью перекрывает встревоженный гул.

— Отставить полицию и скорую. Не смешите людей.

По глазам ажматери вижу, как ей хочется открыть рот и выйти на новый виток скандала, но не даю и слова вставить:

— Мы сейчас все вместе спускаемся на парковку и едем в приемный покой детской областной, — отдаю команды четко, как перед выходом на штурм. — Там устанавливаем факт сотрясения. И если, — подчеркиваю это слово, — если этот факт подтвердится, мы с вами поговорим о компенсации.

Подытожим, что ли?

— А пока примите мои искренние извинения... — На самом деле не очень, но так надо. — Ну что, едем?

По глазам язматери вижу, что не такого развития событий она ожидала.

— А еще там тебе совок укувов в живот сдеают! — торжественно объявляет дочь.

— Ма-а-ам, я не хочу уколы-ы-ы! — взыв не хуже корабельной сирены, Святозар вырывается из рук родительницы и убегает в недра игровой.

— Святушка! — ахает она и бросается следом.

— Свабак, — тихо сообщает мне Оливка, обнимая за шею. — Поехави домой, пап.

И наша команда покидает место боя без потерь.

Всю дорогу до дома мы слушаем подборку новогодних песен по радио. Город украшен и переливается разноцветными огнями. Оливка о чем-то усиленно думает и даже не закидывает меня вопросами.

Я периодически бросаю на дочь обеспокоенные взгляды.

— Всё пучком? — спрашиваю. — Ты не заболела, рыбка моя?

— Пвосто устава. — Оливка картинно прижимает ручку ко лбу.

Усталость её проходит как раз на подъезде к дому.

Паркуюсь во дворе и разгружаю из машины пакеты с продуктами, попутно отвечая на вопросы моей Почемучки.

«А почему снег бевый? Я хочу, чтобы он был возовый!»

«На увице так темно-о-о! Почему?»

«А почему совнце садится, есви это шав и у него нет попы?»

«Ой, смотви, какая у дяди собака! А почему собаки не могут гововить?»

«А есви я не буду дышать, что будет?»

«Ой, фу-у-у! Почему вук такой звой? У меня гваза девет!»

«Пап, ты пукнув? Нет? А почему тогда пахнет?»

И еще добрая сотня «почему»...

Валерик пишет, что тренировка закончилась и она уже чешет на автобус.

Проверяю дислокацию старшей и удовлетворенно хмыкаю. Не соврала. И не все еще трекеры папкины нашла.

Т-с-с-с. Это секрет так-то. У нас с ней доверительные отношения. Но привычка бдеть — моя вторая натура. Потому что если я не бдю, то быстро теряю терпение и раздаю пиздов. Это хоть и действенно, но ни куя не педагогично.

— Что будем к мясу — гречку, рис? — спрашиваю затихшую после лавины вопросов мелкую и проверяю в духовке готовность мяса по-французски.

— А макавошки уже доеви?

— Еще вчера, — хмыкаю, прекрасно зная, что за макароны Оливка душу продаст.

— Жа-а-вко, — тянет и вздыхает так тяжело, что слезу хочется пустить.

Наварив спагетти и накормив одну страдалицу, быстро привожу кухню в относительный порядок.

Оливка уже врубила на телеке старую и добрую сказку Морозко. Гашу верхний свет, оставляя гирлянды на окнах и елке. Падаю рядом с мелкой на диван, пристраивая на живот блюдо с ароматным попкорном. Дочка уютно сопит подмышкой, таская карамельный пенопласт и поглядывая на экран.

Идилия. Расслабляюсь, и даже вечный балаган со сверхзадачами в башкк ставится на паузу.

Правда, ненадолго.

Когда на экране появляется Морозушко, ради забавы решивший уморить холодом девицу под елью, Оливка перестает жевать и тяжело вздыхает.

Та-а-ак.

Ставлю фильм на паузу.

— Давай, боец, колись. — Прижимаю свою принцесску покрепче. — За что втащила Святозару?

Глава 2. Слово

Тимур

— За дево...

— Угум, — глубокомысленно мычу и продолжаю расспрашивать, — он тебя обидел? Толкнул?

— Хувже! — Оливка перестает шуршать попкорном и поджигает подбородок. — Он сказав, что Деда Мовоза нету! Что это дядьки певеодетые. Соврав!

Мда-а-а, Святозар, это залет.

— И ты его сразу заломала?

— Ага.

Цыкаю.

— Боец, ну мы же договаривались с тобой. Сначала переговоры, потом боевые действия...

Оливка раздраженно дергает плечиком:

— Зачем певегововы? Он вже дувак! А с дуваками не сповят! — Она стучит пальчиком себе в висок: — Умифка нет, считай кавека! Так дядя Мивша сказав.

Хмыкаю. Ну, Мишань, ну спасибо, братиш.

— А на болевой брать кто научил? Тоже дядя Миша?

Дочка довольно лыбится:

— Ды-ы.

Качаю головой:

— Оль, ну ты же девочка. Дерутся-то пацаны...

— Ну ты же не учившь! — Ее глазенки вспыхивают возмущением. — А вдвуг тебя не будет вядом...

Ох, вот это точно болевой прием.

Незаметно тру грудак, стараясь гнать от себя картинки такого будущего, где у моих дочерей никого больше нет.

Никто ведь не вечен. А у классика вообще золотая цитата есть, прям в тему: «Страшно не то, что человек смертен. Страшно, что внезапно».

Сглотнув ком в горле, целую мелкую в макушку:

— Придет время, сам тебя всему научу.

Оливка подскакивает так, что едва не опрокидывает попкорн.

— Даешь своево?

— Клянусь! — торжественно обещаю и по традиции тяну ей мизинец.

— Пап, это ввемя это увже завтва пвидет? — Оливка деловито трясет мой палец.

Хмыкаю.

— Чуть позже.

— Ва-а-адно.

Дочь довольно устраивается в подушках и щелкает пультом. Но хватает ее буквально на пару минут.

— Пап, — Оливка заглядывает вопросительно мне в лицо:

— А деда Мовоза... его, что пвавда не существует?

Эх, Святозар, Святозар. Мало она тебя лбом приложила.

Вот не люблю я врать своим детям, а из-за тебя сейчас сам себе на горло наступаю.

Давай, Беркут, выкручивайся. Вспоминаю старый фильм нулевых про срочную службу в армии. Была там одна легендарная фраза.

«Суслика видишь? А он есть».

— Ну как это не существует, Оль? А кто же в Великом Усуге живет? А письма кому мы шлем?

Мелкая задумчиво жует губу, обмозговывая информацию.

— Надо быво нос ему свомать! — выдает кровожадно.

Ну, пиздец, приехали.

— Оль, — ловлю её мятежный взгляд. — Обещай мне, что больше не будешь драться. Если тебе что-то не нравится, ты сначала говоришь об этом, и если мальчик или девочка тебя не слушают...

— По сопатке? — с надеждой восклицает она.

— Нет. Ты зовешь взрослого: меня, воспитательницу. И уже взрослые разбираются. Договорились?

Дочь громко сопит, но все же выдает:

— Вадно. Сначала гововую, потом зову... потом вомаю, — кивает сама себе, и тут же переключается: — Пап, а Дед Мовоз завтва к нам пвидет?

— Конечно, мы ведь его с тобой приглашали. Помнишь, письмо писали?..

— Ага.

— Значит, точно придет.

Еще бы он не пришел. Батя договаривался с аниматорами аж в октябре. Да-да, я уже прошаренный, что самых козырных разбирают задолго до праздника.

В конце концов Оливка задремывает у меня под боком, и в экран я пялюсь до тех пор, пока меня самого не вырубает.

Просыпаюсь от хлопка входной двери.

На часах начало десятого. Та-а-ак! Это что за пердимонкль?

Впиваюсь взглядом в старшую. Валерик шустро скидывает верхнюю одежду и, пользуясь тем, что меня взяли в заложники, тактично шурует вверх.

Вздыхаю, гася в себе вспышку тревоги. Проверяю геолокацию, трекер старшей так и находится в городе.

Нашла-таки! Ладно. Завтра поговорю с этой конспираторшей.

Подростки — головная боль всех родителей. Как говорит Оливка: «умишка ноль». Зато гонору и гормонов выше крыши.

Отношу младшую в её комнату. Полусонная Оливка переодевается в пижаму и тихо желает мне спокойной ночи.

Возвращаюсь на первый этаж и достаю из глубины кухонного шкафчика припрятанную бутылку коньяка.

Знаю-знаю, алкаши — страшные люди. Никогда не злоупотребляйте, а то я приду и выдам вам пиздов.

Но сегодня, в виде исключения полечу нервы старым недобрым способом.

Есть еще, конечно, старый и ой какой добрый секс, но с ним, как вы понимаете, мне сегодня не светит. Да и по чесноку, не светило уже охуеть как давно. С месяц на ручной диете...

Так что, «по писят» и на боковую.

Готовлю нехитрую закуску, укладывая тонкие пласты домашнего сала на черный хлеб, натертый чесночком.

Ммм, слюни уже текут.

Булькаю в стакан на два пальца. Предвкушая, делаю глоток... и выплевываю всё в раковину.

Че за хуйня?

Хватаю бутылку, откупориваю и принохиваюсь. Запах даже странный: прет каким-то то ли сеном, то ли землей, но точно не коньяком.

Хмыкаю, дергая подбородком.

— Ну, Валерик...

Оставляю пузырь для утренней воспитательной беседы и иду в гостиную.

Врубаю какой-то до хера раскрученный экшен и забурываюсь в подушки.

— Вас бы, балерунов, и в реальную жизнь... — бубню себе под нос, таская из тарелки сладкий попкорн и стараясь не ржать в голосину над боевками.

Мда.

Докатился, Беркут... Не пьешь, не ебешь, сидишь, как настоящий дед, дома, в диван пердишь и с телеком разговариваешь.

Романтика тех, кому за тридцать... с нехилым таким хвостом.

Терплю еще минут десять и потом начинаю щелкать по каналам, пока не попадаю на пошленькую сценку восемнадцать плюс.

Тимурке в свободных спортивных штанах становится тесно. Мыслишки тут же всякие в башку лезут.

Мда.

— Отбой, боец, — командую, поправляя член, и отправляюсь к себе на боковую.

Уже засыпая, думаю: «Интересно, а если я весь год вел себя хорошо, мне положена в качестве скорой помощи развратная Снегурочка?»

Глава 3. Квасота

Тимур

— Пап, ну они там ско-о-оро? — Валерик заглядывает на кухню с видом страдальцы.

Нетерпеливо щелкаю шейными позвонками, поглядывая в окно.

Вчерашний снегопад постарался на славу: сугробы — по яйца. И утро у меня началось не с кофе, а в обнимку с лопатой размером с бульдозер.

— Снега видела сколько намело? На выезде из города наверняка пробки. Едут... — говорю больше для проформы.

Ежу понятно, что с такой погодой от проебов выручит только ковер-самолет.

На всякий случай проверяю входящие. Тишина. От товарищей артистов — ни ответа, ни привета.

— Бовьной, вевнитесь! — Оливка требовательно кричит из гостиной. — У нас уковь-чики...

— Бли-и-ин, еще и уколы! — Лера манерно закатывает глаза. — Мне уже надоело играть в одно и то же.

— Ну сыграйте в магазин... — предлагаю альтернативу.

— Было.

— Прятки?

— Мне что четыре?! — восклицает она обиженно, а младшая подает голос:

— Мне пять!

— Тебе четыре с половиной! — Лера тут же огрызается, высовываясь в дверной проем.

— Почти одно и то же! — По грохоту в гостиной становится понятно, что до полномасштабных боевых действий два локтя по карте.

Не-не-не, только не в Новый год.

— Лер, ну ты же старше. Не драконь ты её, — прошу и быстро вношу конструктив: — Мульттики тогда включи ей, пожалуйста. Я сейчас закончу с рулькой и тебя сменю.

Валерик издает смешок. Ага. С папиной срульки грех не поржать.

— Окей, — быстро соглашается она и протягивает мне ладошку. — Можно телефон на базу?

— Нет, у него наряд вне очереди, — говорю, проверяя готовность мяса и возвращаясь к нарезке оливье.

— Ой, мне без горошка! — Лера вытягивает шею, заглядывая в блюдо.

— А чего так? — хмыкаю, строгая кубики моркови. — Боишься команды «газы»?

— Не смешно. — Дочь морщит свой хорошенький носик, а потом возвращается к нашим баранам. — Ну пожа-а-алуйста, пап!

Она добавляет в голос побольше сиропных нот, смотрит при этом так — ну чисто ангелочек.

— Дам, если скажешь, куда делся трекер.

— Потеряла? — невинно подсказывает эта хитрюжка.

— Ой ли?

Сначала нашла ведь, разведчица. А я в этот раз спрятал очень хорошо.

Лерка, быстро смекнув, что блеф провален, мгновенно переобувается в полете.

— Пап, ну это тотал кринж! — Серdito трясет розово-синей гривой. — Я уже не маленькая. Мне четырнадцать так-то, и я могу сама решать!..

Ой, знаю я, что дети в таком возрасте сами наreshать могут — волосы дыбом.

Напускаю на морду строгости и складываю руки на груди:

— Первое правило этого дома, боец?

— Папа всегда прав, — уныло рапортует Валерик.

— А второе?.. — Задираю вопросительно бровь и, выдержав паузу, сам же отвечаю: — От папы секретов нет. Никаких. Это понятно?

— Да, — тихо отзывается дочь.

Тяжко вздыхаю и, отложив нож в сторону, сгребая ее в охапку.

— Лер, — обращаюсь к ней мягко, как только могу, перед тем, как сделать очередное внушение: — Я на твоей стороне. Всегда.

Валерик упрямо сопит мне в грудак.

— Что бы ни случилось: поругалась с подружками, мальчик бросил, деньги все на ерунду потратила, в штаны навалила...

Фыркает.

— Я всегда рядом. Прикрою спину. Люлей всем за тебя навешаю... Но я должен быть в курсе где ты, понимаешь? Или к нам давно опека не заходила в гости?

Сопение становится громче.

— Уговор?

Валерик, повздыхав еще пару секунд, кивает:

— Уговор.

Уф. Пронесло.

— И чтобы домой приходила как штык! — ворчливо дергаю ее за кончик сине-розовой дреды.

— Пап, ну сейчас всю прическу испортишь! — Валерик притворно пищит и выбирается из объятий.

Недоуменно разглядываю волосатое гнездо на её голове.

— Тут кто-то до меня уже покопался!

— Па-па.

— И, кстати, что за диверсия в моем мини-баре? — припоминаю ей вчерашний залет с чайной заваркой.

Валерик строит мордашку «я тут ни при чем».

Вытаскиваю ее смартфон из кармана спортивных штанов и машу перед ней.

— Тут тебе какой-то Кос пишет...

— Эй! Ты читал?! — возмущенно пищит дочь, пытаюсь выхватить из моей руки телефон.

Принимаю руку выше.

— А надо?

Валерик в ту же секунду палит всю контору:

— Это бабушка! Она сказала, что такими темпами ты превратишься в Петровича!

Не трудно догадаться, что под Петровичем она имела в виду не лауреата Нобелевской премии.

Ох уж эти тещи. Никогда не бывают бывшими. А Паулина Анатольевна будто специально задалась целью — усложнить мою и так не шибко простую жизнь на максимум.

Сдался ей этот коньяк.

Тру задумчиво подбородок. Побриться бы надо.

— Ты случайно не знаешь, до коллекционного виски в кабинете она тоже добралась? — будто невзначай уточняю у Валерика.

Смотрю на её стремительно краснеющую мордашку и понимаю, что мог и не спрашивать.

— Всё понятно.

Теще выговор выпишу.

— Ну па-а-ап! — Валерик канючит, хватаясь за край стола. — Ты обещал!..

На кухню влетает белый игрушечный мэрс. Оливка лихо крутит руль. Хвостики на голове уже вкривь и вкось, рукав у пышного платья испачкан в каких-то розово-желтых соплях.

Бля, только не слайм!

Мэрс врзается мне в ноги, и я едва не опрокидываю на себя весь графин с водой. Холодная вода выплескивается мне на грудь и пол.

Черт.

— Ой, папочка, я не хотела! — Оливка строит умильную мордашку. — На бусики!..

— Папа и так красивый, — пытаюсь увернуться от подгона.

— Бувдешь еще кваше!

Дочь деловито манит меня к себе и торжественно вешает мне на шею пластиковый разноцветный ужас.

— Квасота!

Кидаю взгляд на отражение в вытяжке. Мда. Хуй поспоришь.

Мелкая тут же переключается на Валерика:

— Лев, ну ты куда пвопала! Я вжду, вжду тебя! — выговаривает ей, обиженно дую губешки.

— Пять сек! — отзывается старшая. — Иди пока убери игрушки, я приду и мультики включу.

— Ува-а-а! — Ураган Оливия уносится обратно в гостиную. Судя по звукам — разрушений не избежать.

Вцепившись в гаджет, старшая тут же проваливается в переписку.

Дорезаю салат и убираю в холодильник. Барабаню пальцами по столешнице, гадая, придут ли аниматоры.

— Пап, может, скажем ей уже, что Деда Мороза не существует?

Глава 4. Где второй?

Тимур

— Пап, может, скажем ей уже, что Деда Мороза не существует? — Лерик клацает разноцветными ногтями по экрану смартфона.

— Иди, рискни. — Киваю башкой в сторону гостиной. — Я тогда ночевать в сугроб к Федору пойду.

Качнув дредами, мол, принято, старшая продолжает строчить что-то в телефоне.

— С кем это ты там чатишься?

— Да так, — небрежно пожимает плечом.

— Уж не с тем ли Косом, что провибрировал мне весь карман? — Складываю руки на груди, пристально наблюдая за дочерью.

— Ну, па-па! — Обжигает меня взглядом и снова нырк в экран.

— Кос — это кличка?

— Это имя, — фырчит на меня Валерик, но, сдавшись, поясняет для тупых: — Его Костя так-то зовут.

Дергаю шеей.

Ага. Костя, значит. Режим «враг обнаружен» активирован.

— Одноклассник?

— Неа.

— Из твоей волейбольной секции?

— Ну щас, ага...

Тру висок, стимулируя извилины. Как они там сейчас говорят?

— Это твой крах?

Лерка закатывает глаза.

— Не крах, а краш — это раз. И он не мой — это два.

— А зачем тебе чужой? — Непонимающе свожу брови вместе. — И вообще, не рано ли ты заневестилась?

— Фу, пап! — повышает голос. — Так сейчас никто не говорит!

На этой ноте Валерик свинчивает в гостиную, оставляя меня с доброй сотней вопросов.

Не, погодите-ка, ей напisyвает какой-то олень, а батя даже спросить не моги? У бати, кстати, лицензия на отстрел оленей имеется. И винтовка с оптикой. И уголовный, вашу Машу, кодекс!

Так что, беги, Костя, пока цел. И до Леркиных восемнадцати лет вообще не возвращайся.

А пока... нарезаем задачи. Первая — переодеться.

Футболка противно липнет к телу. Стаскиваю её и протираю ею же лужи на полу. Лайфак от яббати.

Второе — разобраться с господами аниматорами. Ибо батя уже потерял всё терпение и очень хочет раздать пиздов.

В момент, когда я предпринимаю очередную попытку дозвониться до актеров, раздается стук в дверь.

Робко как-то, но я бы сказал — с большой надеждой.

— Па-а-п, к нам пвишви!!! — верещит Оливка, и я бросаюсь к двери как есть — в одних спортивных штанах.

Похеру мороз.

Главное, успеть перетереть с актерами до того, как мелкая сунет за порог свой любопытный нос.

Распахиваю широко дверь и невольно хмурю брови.

Снегурка в хероборе на башке, стиснув одной рукой ворот синего пальто, испуганно таращит на меня огромные серые глазищи. На черных волосах снежинки.

Оглядываю ее сверху вниз. Странная какая-то.

Стоит и жметесь. Подол платья грозит вот-вот внизу распахнуться. Зависаю на длинных белых сапогах и мелькающих коленках.

Мда.

Снегурка — одна штука. И ни следа Деда Мороза. Не, мы так не договаривались.

Медленно сатанея, втягиваю носом холодный воздух

— Второй где? — бросаю аниматорше.

— Простите, кто? — лепечет, не сводя с моей перекошенной рожи своих глазищ с коровыми ресницами.

Морщусь, припоминая имя.

— Как его там... Роман?

На лице Снегурки одна за другой сменяются эмоции.

— Ах, Ро-о-ома! — тянет нараспев. — Он, понимаете...

Снегурка мнет пальцами пальто на груди, и мои глаза невольно задерживаются на этой выступающей — неплохо так выступающей, кстати! — части тела.

Беркут, хорош пялиться. Так и до конфуза недалеко.

— ...он заболел, да, — несет какую-то пургу аниматорша, продолжая пялиться на меня с опаской.

И знаете, как-то резко захотелось — вот прям щас! — пробить этого болезного чепушилу с накладной бородой, нагрянуть в гости и очень нежно, прямо-таки ласково засунуть этой падле посох в задницу!

Очень. Блять. Хочется.

Но у меня дети. А еще выходной. А еще Новый год на пороге.

Поэтому я делаю единственное, на что хватает выдержки.

— Пойдем уже, и так заждались! — рычу и тяну странную Снегурку в дом.

Глава 5. Мать Тереза

Степанида

— Ой, везучая ты, Синицына! — со стороны раздевалки доносится завистливый голос Галки Тополевой. — Дома Новый год отметишь, а у меня только смена начнется через двадцать минут.

— Я дежурю первого в ночную, — «успокаиваю» ее.

Прوماкиваю волосы полотенцем и, завернувшись в него, иду к своему шкафчику.

— Ох и талиё-о-о! — подруга восхищенно цокает и закатывает карие глаза. — Еще и задница как у Лопез!

— Ага, только стоит не миллион, — отзываюсь со смешком и тянусь к одежде.

— Ты б завязывала уже с голодовкой, Степаш, — миролюбиво нудит у меня над ухом.

— Роме нравится, — несмело возражаю.

— Роме твоему клизму скоро приеду ставить! Ну такую фактуру портит девке!..

Фыркаю на ее каламбур.

Коллеги за спиной шушукаются. Кто-то, как я, отработал и собирается домой досыпать, кто-то зашел поболтать и поделиться последними новостями.

— Захожу я в сестринскую. А там Демидов с нашей операционной сестрой сидят воркуют и видок у обоих... будто только что занимались сексом! — Ольга Храмова, как всегда, делится самыми грязными сплетнями.

Чаще всего сгенерированными ее собственной нейросетью в башке.

— Это с Танькой, что ли? — ахает придушенно Машка Токарева, верная Ольгина подружка, и тут же начинает перетирать кости несчастной Таньке: — Дак она же старше его. И рожа у нее кобылья... и муж!

— Кому и кобыла невеста, — фыркает презрительно Ольга. — А муж чего? Не стенка — подвинется.

— Люди, может, первый раз за сутки присели отдохнуть... а ты сразу подвох ищешь. — Галка неодобрительно качает головой, поправляя шапочку. — Злая ты, Оль.

— Ну не всем же быть такими добрыми, как наша Мать Тереза, — с прохладцей отбрызгает она и переводит взгляд на меня.

Ну ясно. До сих пор дуется, что я ее овцой тупорогой назвала. А нечего в телефоне торчать, когда пульт горит, как новогодняя елка. Мы тогда пациентку еле откачали, а этой все — с гуся вода.

С Ольгой у нас холодная война. Как с самого первого дежурства не сошлись характерами, так до сих пор никак не притремся.

Вот не нравится она мне, и все тут.

И ведь наверняка есть у Храмовой и хорошие качества, просто их стоит поискать. Возможно, под микроскопом с кратностью увеличения — 2000.

— Степаш, ты к Егорке-то пойдешь? — интересуется Галка, когда я заканчиваю сушить волосы, свернув их в привычный узел на затылке.

Качаю головой:

— Сегодня не могу. Заглянешь к нему?

Галка ободряюще мне подмигивает:

— Конечно, не переживай. Уж найду минутку для нашего красавчика.

Да, Егорка у нас особый пациент.

В сердце привычно теплеет при мысли о нем, но меня отвлекает нарочито заботливый голос Ольги:

— Синицына, ты со своей вахтой уже пугаешь все отделение. Может, тебе в патологию перевестись? Тогда и бегать туда перестанешь каждые пять минут...

— А ты считала, что ли, минуты? — Галя тут же встает на мою защиту. — За собой бы так следила! А то в курилке по полчаса торчишь!..

— Хоспади, больно надо! — Ольга закатывает густо подведенные глаза и пожимает плечами. — Хочет человек страдать херней, кто я такая, чтобы мешать.

Ее цепкий, холодный взгляд на секунду встречается с моим.

— Только я слышала, что пацан не жалец... — бросает она будто между прочим.

У меня на секунду перехватывает дыхание.

Со всех сторон начинают шикать на Храмову, и она, послав всех подальше и прихватив маску, гордо выплывает из раздевалки.

— Вот же стерва! — тихо сквозь зубы цедит Галка. — Так бы и дала промеж зенок! Слышала, она... Разве можно такое говорить?

— Не слушай ее, Степанида, — неожиданно мне на помощь приходит Маша. — Она ляпнула не со зла...

Ага, просто порода такая — кусачая.

— Егорка еще всех нас переживет, — с оптимизмом проговариваю и, прихватив сумки, иду на выход. — Всем пока!

Глава 6. Снегурочку вызывали?

Степанида

Я правда верю в то, что говорю. В жизни всегда есть место чуду. И наш Егорушка уже не раз доказывал это.

— Плюнь на эту Храмову. — Галка уже в робе медсестры догоняет меня в коридоре и подстраивается под мой шаг.

— У нее на лице недоеб написан вот такими буквами! — Она растопыривает максимально большой и указательный пальцы.

Громко прыскаю, привлекая внимание коллег.

— С Ромкой-то помирились? — подруга переключается на насущное.

— Нет, — тяжело вздыхаю.

— А планируешь хоть? Или мужик с возу — и бабе легче? — Галка весело подмигивает.

— Да как-то уж привыкла я с ним, Галь, понимаешь? — Я даже с шага сбиваюсь. — Все-таки три года вместе...

— Ага, ты вон ради него как похудела — скоро рентген не понадобился. Кости и так просвечивать будут, — неодобрительно качает она головой и поднимает губы. — Мог бы как честный гражданин тебя разок замуж позвать!

— Ну не силком же его тащить? — вырывается у меня смешок.

— Нет, конечно. Ты сама-то замуж хочешь?

— Ну, вроде да...

— Вроде, да. Ну тогда тебе стоит как-то активнее лежать в этом направлении... — Галка играет бровями. — И лежать лучше в красивом белье-е-е...

— Думаешь? — тяну задумчиво, теребя прядь волос.

— Советую! Наготовь салатиков, мясца там побольше, огурчики, грибочки да под водочку...

При мысли о мясе мне остро захотелось шашлыка. Такого горяченького, сочного, еще шкворчащего. И обязательно на шампуре!

Галка, не подозревая, какие мысли у меня бродят в голове, бодро продолжает свой ликбез:

— Купи там трусики-бусики. Мужики дуреют с этой прикормки... Сюрприз ему устрой, чтоб все мысли лишние из мозгов утекли строго на юг.

Оглядываю ее ладную высокую фигуру, пышную в нужных — прямо-таки стратегических! — местах, русую косу с руку толщиной и огромные карие глаза на миловидном лице.

Да тут и без прикормки мужики шеи сворачивают на радость травматологам.

Я же рядом с Галкой чувствую себя заморенным вороненком, который диетился последние шесть месяцев ради любимого.

Десятка улетела в минус, а счастливее мы отчего-то с Ромой так и не стали. И в этом есть и моя доля вины.

— Сюрприз, говоришь? — Прикусываю губу, в голове прикидывая варианты. — Попробовать можно...

— Ну и чудненько. Удачи тебе! — на прощание желает мне подруга и сбегает на смену. Домой добираюсь без приключений.

Ставлю будильник и на пару часов проваливаюсь в сон без сновидений. Просыпаюсь с мерзким ощущением острого недосыпа. Подушка манит прилечь до весны.

Но воля моя крепка. Правда, желание идти первой на примирение не может похвастаться такой же непоколебимой твердостью.

Все же, мы оба тогда вспылили и наговорили друг другу гадостей. И Рома, как мужчина, мог бы сделать первый шаг...

Так. Стоп.

Я наступая этой песне на горло и еду в ближайший торговый центр.

Дальнейшие мои передвижения между отделами с нижним бельем можно описать только одним словом — хаос.

В глазах рябит от красного и черного кружева, перьев и пайеток. Пуш-апы, «анжелики», стринги, бразильяны, танго, корсеты, балконеты, бюстье...

А-а-а, спасите-помогите!

Мой энтузиазм с каждым отбракованным комплектом стремится к нулю. Но наконец я нахожу то, что надо!

— Мамочки, срам-то какой! — из меня вырывается истеричный смешок, пока я разглядываю свое отражение в зеркале.

Эффектно, что ни говори. Просто, ну о-о-очень «голо».

— Вам так идет! Последний размер, будто только вас дожидался! — голосом опытной искусительницы комментирует из-за шторки консультант.

— Беру! — решительно отрезаю все пути отступления.

В конце концов, если мы окончательно расстанемся с Ромой, то на ближайший год эрегированный член мне светит разве что в анатомическом атласе.

В сторону нового коттеджного поселка, где Рома арендовал уютный домик на все выходные, я выдвигаюсь во всеоружии.

А по приезду едва не стону от разочарования. Снега здесь не в пример больше, чем в городе. И мне приходится бросить машину, притулив ее рядом с чьим-то огромным джипом — да простят меня соседи! — и к конечной точке маршрута передвигаться на своих двоих.

Снег под шпильками подозрительно поскрипывает, как бы намекая, что один неверный шаг — и я вместо свидания поеду в травматологию. Кокошник опасно сползает на глаза, вынуждая всякий раз ловить его, вместо равновесия.

Мороз кусает не только щеки, но и проворно лезет под расшитое узорами пальто Снегурочки, полы которого по задумке швеи должны красиво разлетаться при ходьбе и показывать богато украшенное нижнее платье.

Ага. Только вот платья у меня там нет. А из богатой вышивки — снежинки! Три штуки. По одной на каждое срамное место. Зато красивые!

На крыльце с облегчением выдыхаю и тяну дверь на себя. В доме тепло и негромко играет музыка.

Набираю побольше воздуха в легкие, чтобы крикнуть что-то вроде «тук-тук, Снегурочку вызывали?», и пораженно застываю с открытым ртом.

На обувнице стоят замшевые сапожки. И размерчик явно не Ромин. Да и не мой тоже.

Улыбка медленно стекает с лица, когда до меня доходит, что мой парень явно не один дома.

«Может это сестра приехала в гости?» — обнадеживаю себя, но тут из глубин дома до меня доносятся восторженные вскрики, больше похожие на вопли брачующихся бабуинов... и надежда моя покидает чат.

Как в дурном сне прохожу в сторону спальни, толкаю слегка приоткрытую дверь и вижу это...

Мда.

Снегурочку тут явно не ждали.

Глава 7. Клубничка

Степанида

В немом удивлении смотрю, как на моем парне задорно скачет рыжая девица.

Мозг, от такого зрелища впавший в шоковое состояние, зачем-то фиксирует разнузданность позы, хаотично разбросанные вещи, блюдо с клубникой прямо на кровати и бутылку шампанского на полу.

Вот на последней я почему-то зависаю. Убрать бы ее на тумбочку, а то неровен час поскользнуться, упасть и...

Знаете, какая у наших травматологов любимая шутка про инородные предметы в прямой кишке? Плохо кончил.

Рома, порывая, шлепает рыжую бестию по голому зад, вынуждая ту перейти с рыси на галоп.

С громкими стонами любовнички приближаются к финишу. Изменщик зачем-то берет крупную ягоду и запихивает рыжей в рот.

И тут я не выдерживаю:

— Ром, не советую!

Ну подавится же.

А дальше все происходит в лучших традициях черных комедий.

Девица с визгом подпрыгивает едва ли не на метр и приземляется на место стыковки.

Слышу характерный треск.

Рома, раскрыв в немом крике рот и выпучив глаза, хватается за самое ценное.

Его рыжая наездница, с клубникой за щекой больше похожая на бурундука, вскакивает с кровати и наступает аккуратно на брошенную бутылку.

Матрицу смотрели? Ну вот тут почти то же самое. Только на этот раз Нео не повезло со спецэффектами.

Размахивая руками и ногами, Бурундучиха успевает схватиться за полотно гардины и, сдернув ее с окна, с глухим шлепком ударяется голым задницей об пол. Она громко ахает — не задница, девица! — и следом судорожно дергает головой.

Глаза у нее тоже выпучиваются, а лицо вдруг приобретает ярко-малиновый окрас.

— Ах ты ж ёкарный бабай!.. — ругаясь, подбегаю к ней.

Все-таки пошла клубничка не в то горло. А я предупреждала.

Прием Геймлиха выходит — загляденье, и через секунду ягода вылетает изо рта несчастной.

Бурундучиха громко закашливается, изменщик Рома ей вторит с брачного — тьфу ты! — с развратного ложа.

— Вам асфиксия шутка какая-то, что ли? — рывкаю на обоих, а потом переключаюсь на Рому: — Ты б ей еще баклажан в рот запихал. Хотя..

Стреляю глазами в его отекавшее фиолетовое хозяйство.

— Идочка, помоги!.. — стонет Рома, баюкая в ладошках кривой член.

Девица, охая и ахая, пытается встать с пола, но только болезненно кривится, выдыхая с мукой:

— Я, кажется, позвоночник сломала.

— Ну, копчик это еще не весь позвоночник, но тоже жопа, — философски замечаю я. — Вас как зовут?

— Д-даша, — стонет она, прикрывая срам шторой.

— Вы пока не поднимайтесь, Даша, — доброжелательно говорю ей. — В случае перелома вам еще долго предстоит лежать и стоять. И соблюдать полный половой покой.

И нет, я не злая. Просто, блин, почему это происходит со мной?

— А вы кто? — очень своевременно задает вопрос рыжая и немного помятая Даша.

— Снегурочка же! Вот зашла на огонек, думала, детишек поздравлю, а тут вы...

Тяжко вздохнув, стаскиваю опостылевший кокошник и беру с тумбочки Ромкин мобильник.

— Идончик, это не то... — хнычет он, но я одним взглядом останавливаю весь его поток лживого красноречия.

— Конечно, не то, мой хороший... Алло, скорая?

Обрисовываю диспетчеру ситуацию и иду на кухню за льдом для Ромы.

Внутри как-то подозрительно пусто. Ни тебе истерики, ни боли за грудиной. Разве что капелька злорадства, что в ближайшее время Роме не грозит стать половым гигантом. А месть? О, это не про меня. В конце концов, изменщик уже наказан.

Через полчаса бригада скорой грузит на носилки обоих — Рому с его баклажаном и несчастную Дашу с ее орехом, — а я желаю им счастливого пути.

Во всех смыслах.

Глава 8. Боже, какой мужчина!

Степанида

Вернувшись к машине, с изумлением смотрю на огромный сугроб, выросший аккурат по стеклу багажника.

Фак!

Кто такой умный прошелся грейдером и завалил выезд? Мне эту кучу чем сдвигать?

И не вырулить — рядом припаркован тот самый мощный внедорожник, одна фара которого стоит, как моя месячная зарплата.

Я бы хлопнула в раздражении руками, но приходится только топтаться на месте и злобно пыхтеть, поглядывая на сугроб и запахивая посылнее пальто на груди.

В пылу оказания Пэ-эМ-Пэ (*первая медицинская помощь — прим.автора*) рыжей Даше я даже не заметила, как лишилась пуговицы. И теперь мои девочки, укрытые только кружевом со снежинками, так и грозят высунуться наружу и оценить обстановку.

Дрожа от холода — ткань-то моего зимнего наряда тонюсенькая! — прикидываю, есть ли у хозяев черного джипа лопата. С таким клиренсом любой сугроб — чепуха. А вот моей пузотерке не позавидуешь.

Пару раз пинаю колесо монстра. Стучу по лобашу. Безрезультатно. То ли мои пинки-тычки сигналке как слону дробина, то ли владелец ее банально не включил, решив — в новогоднюю ночь только сумасшедший рискнет угнать у него из-под носа такого гиганта.

За высоким забором не понять — кто-то вообще видит меня?

Во время моих зажигательных танцев у джипа, нижнее безобразие со снежинкой тоже решает просверкать на всю улицу, и мне приходится забраться в холодный салон своей Ласточки.

Ежась, проворачиваю ключ в замке зажигания и сразу же включаю попогрев. Еще пять томительных минут я дрожу вместе со своими тремя снежинками, костеря на все лады дорожников.

Мне домой надо! А тут это...

Ладно, где наша не пропадала.

— Давай, Степашка, потихоньку, — бормочу себе под нос и страгиваюсь назад.

С третьей попытки моя Ласточка резво взбирается на снежную кручу.

— Да! — ликую я, поддавая газку.

Но не успеваю насладиться триумфом, как машину резко дергает вниз...

— Ай! — испуганно пишу и вопреки всем заветам моего инструктора по вождению зажмуриваюсь.

Скрежет, грохот, какой-то противный хруст и тишина...

Распахиваю глаза, оценивая обстановку.

Ну-у-у.

Прогнозы «писят-на-писят».

Из хорошего: все живы и никто не пострадал... кажется.

Из неблагоприятных прогнозов: я тут застряла надолго.

Задница моей Ласточки теперь неприлично высоко задрана, а капот закрылся по самые ноздри в рыхлый снег.

Задний привод передает привет и вхолостую прокручивает колеса.

Наружу рвутся непечатные слова вперемешку с истеричным смехом.

— Будь проклят тот день, когда я села за баранку этого пылесоса! — с чувством выдаю крылатую фразу и падаю лбом на руль.

Хочется побиться пару раз об пластик — исключительно ради стимуляции мозгового кровообращения, но я лишь громко дышу.

Так. Какие варианты? Тут теперь одной лопатой не обойтись. Нужно что-то посерьезнее. Или кто-то с руками из надежного места... Из плеч!

Поднимаю голову и пару секунд медитирую на высокий забор, черного монстра, торчащего манифестом маскулинности — не явно не девчочковая игрушка! — а потом напяливаю кокошник и решительно покидаю салон.

Мне нужны мужские руки. И желательно не отдельно от тела. Бу-га-га!

Я без проблем попадаю на территорию чужого участка и замираю, прислушиваясь, не бежит ли ко мне со всех лап здоровенный алабайка. Естественно, чтобы поиграть, а не куснуть меня за попу.

Не подумайте, я очень люблю собак. Но только сильно издалека.

Фух! Пронесло.

Пару ударов сердца, и я устремляюсь по расчищенной дорожке к крыльцу. Шпильки скользят по тонкой наледи. Стараюсь поймать равновесие, сильнее стискивая пальцами ворот. Пальто эксгибициониста распаивается при каждом шаге.

Мамочки, стыд-то какой!

Кокошник съехал на затылок, грозя вовсе свалиться. Кажется, его я нацепила в надежде отвлечь «руки-из-плеч» от разврата ниже подбородка.

Взлетаю по ступенькам.

Из окон дома льется теплый свет, и я с надеждой стучу в дверь. Слышу громкие голоса и уже готова выпалить заранее заготовленную фразу, но стоит двери распахнуться, как у меня выдувает все мысли из головы, а глаза лезут из орбит.

Напротив стоит мужик. Голый.

Э, в смысле, в одних штанах! Если не считать разноцветные бусы на шее предметом одежды.

Некстати вспоминается Галкино «трусики и бусики», и я едва не булькаю от приступа неуместного смеха.

Мы с мужиком молча пьем друг на друга. Он на меня так, будто я враг номер один. Я же — в полном шоке.

На вид ему лет сорок... может, меньше. Внешность? А хрен знает.

Мой мозг, оглушенный обилием всех этих мышц, перекачивающихся под загорелой кожей, отказывается анализировать и подмечать детали.

«Боже, какой мужчина!» — пропеваю в своей голове, оперевшись взглядом в широкую грудную клетку с порослью коротких волосков и парой росчерков застарелых шрамов.

Мужик делает глубокий вдох и чуть устало, с такой приятной хрипотцой спрашивает:

— Второй где?

Ась?

Перевожу взгляд на суровое лицо. Наконец отмечая, что у дяденьки красивые зеленые глаза. А уж взгляд — капкан. Не отпускает.

— Простите, кто? — ляпаю первое, что приходит в голову.

Мужик недовольно морщится.

— Как его там... Роман?

— Ах, Ро-о-ома! — протягиваю я.

И когда только они успели зазнакомиться? Хотя, какая теперь разница, если Рома мчится на всех парах в больничку.

— Он, понимаете...

Как бы поделикатнее описать Ромино счастье, свалившееся ему аккурат на половой орган?

— ...он заболел, ага, — подбираю максимально лайтовую формулировку.

Мужик как-то нехорошо прищуривается. Его взгляд, как прицел, упирается мне четко в лоб, и я резко вспоминаю о цели своего визита.

Но едва я открываю рот, чтобы обрисовать ситуацию и попросить о помощи, как мужик хватает меня своей горячей, как кипятильник, рукой.

— Пойдем уже, и так заждались! — ворчит и конвоирует меня в дом.

Простите, что?!

Глава 9. Срам

Степанида

Едва я переступаю порог, как мне навстречу с громким визгом вылетает ураган в розовом.

— Пвишви! Пвишви!!! — кричит малышка, но, разглядев меня, резко останавливается на полпути.

Следом за ней в коридор выходит девочка постарше с гнездом из пушистых дредов на голове.

Наступает напряженная тишина.

Я вообще мало понимаю, что происходит. В голове зудит писклявым комаром: «Мне же только спросить!»

— Ты не Дед Мовоз, — тихо произносит малышка.

Ее бровки сходятся вместе, а на личике проступает обиженное выражение.

— Папочка? — обращается она к тому грозному дядьке с бусами, что затащил меня сюда.

Растерянно туплю, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Гхм-гхм, — красноречиво покашливает «папочка», складывая руки на могучей груди. У него при этом так играют мышцы и ходят желваки, что мне становится чуточку тревожно.

Может, ну нахер эти руки из плеч? Что я, сама не справлюсь? Щас как вызову эвакуатор, как... прожду его пару часов на морозе. Как околею до синих соплей... и с переохлаждением поеду в приемный покой к Ромочке под бок.

Бр-р-р.

Мои верхние снежинки при этой мысли жалко сжимаются. Не хочу!

Малышка продолжает выжидательно смотреть на меня.

Пауза затягивается, а дело явно пахнет керосином.

Так, Степашка, надо спасать ситуэйшен!

— Конечно, нет, — произношу как можно доброжелательно, поправляя кокошник. — Я его внучка!

Аккуратно присаживаюсь перед крошкой. Подол — зараза такая! — чуть распахивается, и я быстренько поправляю его.

— Внучка? — малышка подходит чуть ближе. — Ты Снегувочка?

— Ага! — радостно киваю, а сама бросаю вороватый взгляд на мужика.

И тут же ловлю ответный. Тако-о-ой внимательный и красноречивый, что я вмиг покрываюсь жаркой краской.

Он видел? Ну нет же?!

Мужик задирает бровь, мол, какого банана.

Ы-ы-ы! Видел!

Срам. Срамосятина!

— Тебе жавко? — участливо интересуется девочка.

— У вас очень тепло, — лепечу я, мечтая сгореть со стыда.

Малышка неожиданно кладет ладошку мне на щеку и удивленно восклицает:

— Ты такая ховодная! А почему? Ты из снега? А ты не вастаешь? — сыпятся из нее вопросы. — Папа потвогай!

Нет уж, папа, стойте на месте! Не надо меня трогать!

— А где Дед Мовоз? Почему ты одна? — продолжает допытываться крошка.

— Он очень спешил к тебе, но нам пришлось разделиться, — сочиняю я на ходу.

— Ваздевиться?

— Да. Наши сани увязли в сугробе. Дедушка что-то сильно расстарался в этом году. Видела, сколько снега намело?..

— Да-а-а. Это он своим посохом волшебным?..

— Ага. Обычно, дедушка стелет хорошую дорогу для нашей тройки с бубенцами...

Боже, остановите меня!

— Но в этот раз самые беспокойные из лошадок — Вьюга с Метелью — не поделили что-то, сорвались в галоп и утянули сани в самый глубокий сугроб. Чуть мешок с подарками не потеряли...

— А что же дедушка? Упав?

Невольно умиляюсь. Ты же моя переживательная душа.

Все-таки так искренне жалеть могут только дети.

— Нет, с дедушкой всё в порядке. Рассердился, конечно. Поворчал на ретивых коней. Да разве на таких управу найдешь? Теперь тянут дружно сани из снежного плена, а меня отправили вперед. Предупредить, что дедушка задерживается.

Ага. Начальство не опаздывает.

Пока я несу эту волшебную чушь, дядька с бусами успевает разжиться футболкой и прикрыть свое мускулистое ликалепие.

Уфф, а то так и инфаркт заработать можно.

— Упавая? Она потевялась? — ахает крошка, распахивая глаза и хватая отца за руку. — Папочка, пошви искать! Он у меня самый сивный! Пвавда, папа?

По лицу папы понимаю, что если он и выйдет наружу, то только ради того, чтобы закопать в сугробе одну болтливую Снегурочку.

— Нет, милая, управа — это не вещь, — как могу пытаюсь объяснить ребенку значение слова. — Это... м-м-м, когда кто-то ведет себя плохо, а тебе очень надо, чтобы он слушался, и ты...

— Вемнем по товстой попе? — радостно подсказывает она мне.

Я едва не проглатываю свой язык. Красноречиво впиваюсь взглядом в папашу, мысленно ставя галочку в графе «неблагонадежен».

Глава 10. Мужиканище и Федя

Степанида

— Кхм... — кашляет он в кулак. — Это не то, что вы поду...

— А подавочек ты не принесла? — перебивает дочка. — Он тяжелый, да?

Вопросительно смотрю на отца семейства, моментально растеряв внутреннюю свирепость.

— Оливия, может, покажешь нашей гостье елку? — он неожиданно приходит мне на выручку.

Оливия, значит?

— Какое у тебя красивое имя, — прохожу следом за малышкой в гостиную. С нами идет и старшая девочка.

— Ага! — восторженно кивает Оливия. — А это Валевка!

Подросток показательно закатывает глаза:

— Сама ты Валерка! Я Лера, — представляется она.

— Очень приятно, — брякаю на автомате.

В ответ Лера фыркает и утыкается в смартфон.

Самый сильный папа, привалившись плечом к дверному косяку, наблюдает за мной давящим взглядом. Будто взвешивает, насколько я профпригодна для роли Снегурочки.

Зеркалю с немим месседжем: «Ремнем по толстой жопе? Серьезно?!» и мстительно пририсовываю еще одну галочку к его портрету.

Да, потому что могу!

— А это наша евочка! Пвавда, квасивая?

Улыбаюсь уголками губ, оглядывая богато украшенное дерево.

— Очень!

— Садись! — Оливия за руку подводит меня к дивану.

— Вот, смотви, это моя машина! Тут мовжно кнопочки навжимать всякие... А это котик!.. Это бевка! У нее еще овешки биви, но я потевява... — она по очереди приносит мне игрушки.

— А это куква, товко я ее чуток поствигва! Но папа сказав, что так давже вучше!..

Я в ужасе от этой плешивой версии солдата Джейн, но стараюсь не показывать виду.

И мысленно только ставлю и ставлю галочки.

Мама-то куда смотрит?

— Оливка, ты не забыла про стишок? — аккуратно интересуется тот самый эректус.

— А, точно! — Малышка карикатурно хлопает себя по лбу. — Мне надо табуветочку...

— Олик, давай без нее

— Ну, папочка! Я акуватненько!

— Почитай рядом с елочкой, — мягко торгуется он.

— Нет.

— А рядом со Снегурочкой, сидя на диване? Стоя? Сидя в машинке? У меня на руках? Малышка только вертит на все предложения головой.

— Нет! Мне надо та-бу-вет-ку!

— Ага, ты уже один раз с нее грохнулась, — хмыкает Лера. — Обойдешься.

— Не обовдусь! — Оливия рассерженно топает ножкой.

— Вот шлепнешься, опять нам ехать в больницу. А там сегодня всем ставят уколы!

Да если бы... вот клизмы сифонные — только в путь.

— И ставят, и ставят им градусники, — бормочу под нос, втыкая в папашу метафорические галочки на манер копий. А этот толстокожий стоит, ухмыляется.

Мужиканище!

— Па-па! — взвизгивает Оливия. — Ну это же непавда!

— Правда-правда! — раззадоривает сестру Лера.

— Оль, может, прочитаешь стишок без табуретки? — все-таки вмешивается в разборки отец.

— Ну это не тот ва-а-айб! — расстроено вопит она и явно собирается зареветь.

Капец.

И я больше не выдерживаю, встаю и подхожу ближе к этому... мужиканищу, что доводит детей до слез.

— Принесите стул, я её подстрахую, — говорю ему тихо.

— Вы не знаете, о чем просите, — также тихо выдыхает он, качая головой. — В прошлый раз был вывих...

— Всё будет хорошо, — говорю спокойно, как если бы это был мой пациент. — Я знаю, как вправлять вывихи. Я медсестра.

— Нехило нынче Снегурочек укомплектовывают, — удивленно хмыкает он.

При этом смотрит на меня так внимательно, что мне снова становится жарко.

— Тимур, — неожиданно представляется мужик и протягивает мне ладонь.

— Федя, — брякаю без задней мысли.

Брови Тимура взлетают к линии роста волос.

— Оригинально!

Угол его рта дергается, как если бы спазмировало лицевую мышцу.

Ну вот. Теперь он явно думает, что я издеваюсь, но в этот момент вопль Оливии срывается, как стресс-фактор, и мы с Тимуром переключаемся на новую задачу.

И вот радостная Оливия, раскачиваясь как маятник, с чувством рассказывает стишок, а я крепкой хваткой удерживаю ее от знакомства с полом.

Дальше мы водим хоровод, громко поем про роды елочки в лесу, и я на какой-то момент отключаюсь от действительности. Ловлю это ощущение праздника в семейном кругу и наслаждаюсь, напрочь забывая, зачем я вообще сюда пришла.

Когда малышка отвлекается на подаренную ей пони, я устало приваливаюсь к косяку, невольно копируя позу Тимура.

— Вы молодец, Федя, — скупно хвалит он меня, не забывая сверлить своим взглядом-прицелом.

— Рада стараться, — отвечаю, ощущая, как последние силушки покидают меня.

Эх, сейчас бы в кровать да на часов двенадцать спать.

— Агентство у вас, конечно, оставляет желать лучшего, — продолжает он.

— Какое еще агентство?.. — непонимающе переспрашиваю, но ко мне подлетает Оливия.

— Ваз! Два! Тви! Евочка гови! — радостно вопит она, и елка, подключенная к умной колонке, зажигает гирлянды.

Красиво.

Любуюсь переливами разноцветных огней.

Я даже елку не ставила в этом году.

— Федя — это ваше сценическое имя? — вырывает из созерцания напряженный голос Тимура.

— Ага, — быстро отвечаю, радуясь, что не ляпнула: «Нет, эпизодическое. Вызванное острым приступом кретинизма».

Так, всё. Баста, карапузики.

Детеныша порадовали? Ну и отлично. Пора и честь знать, и что-то придумать с машиной...

— Ну вот мне и пора! — обращаюсь к Оливии.

— Увже? — она расстроено поджимает губки. — А как вже чай? Папа, давай Снегуючку угостим чаем с конфетками!

Ой, я конфет сто лет не ела. Проклятая диета! А сейчас аж прямо захотелось.

Но взгляд Тимура очень красноречивый, поэтому я качаю головой:

— Нет, милая, чай я не буду.

— Все-таки вастаешь? — расстроено. — А вульку?

Вулька это что?

В этот момент я как раз глубоко вдыхаю носом и с удивлением выдаю:

— Э-э-э, Тимур, у вас что-то горит?

Глава 11. Враг себе?

Тимур

Как угорелый влетаю на кухню, где уже всё затянуло сизоватым дымком.

Дергаю дверцу духовки, черный дым тут же устремляется к потолку. От едкого запаха гари слезятся глаза.

— Да вашу ж Машу!

В запаре забыв про прихватку, берусь за край раскаленной формы.

Ах, ты ж блядь!

Форма с грохотом падает на пол. Разбивается на кучу осколков, разбрызгивая вокруг кипящий жир. Ебаная срулька закатывается куда-то под стол.

Пиздец.

Трясу обожженной рукой, оглядывая свиное побоище.

— Пап, что случилось?

— Папочка!

Мои девчонки уже рвутся в бой.

— Отбой тревоги! — команду, поспешно выставляя ладонь. — Стойте там. Тут стекло кругом... нам только порезов не хватало для полного счастья.

Оливка испуганно выглядывает из-за Валерика. Но, слава яйцам, ни та, ни другая не двигаются с места.

Зато про третью зрительницу моего кулинарного шоу я уже и забыл.

— Где у вас аптечка? — Медсестричка Федя аккуратно ступает мимо осколков и деловито оглядывается.

— Да само пройдет.

— Ага, знаю я таких «самопроходилов», — ворчливо отзывается, подходя вплотную и захватывая мою кисть своими маленькими, но цепкими ручками. — В гнойном каждый третий — молчун-терпила. Это у вас, мужчин, базовая прошивка такая? Не оторвало же до локтя и ладно... Так, что у нас тут?

Хмыкает и поднимает на меня свои серые глазищи.

— Ожог у вас, Тимур Батькович!

А я на секунду чувствую себя пацаном, который ради таких глаз готов пройти пешком до Луны и обратно.

Красивая ты девка, Федя. Имя только придурковатое, но кто из нас без прибабаха?

— Пенка от ожогов есть? — Федя строго сводит свои выразительные брови.

— Масло есть, облепиховое... и сливочное, — отвечаю.

Аптечек с доме сверхкомплект, да и я сам обучен оказывать первую помощь.

Но сейчас захотелось подразнить красивую Федю.

— Ну точно одна прошивка! — картинно закатывает глаза. — Спасибо, хоть про скипидар не вспомнили. Ладно. Суйте пока под воду. Холод сейчас организуем.

И вот я сижу за столом. Прижимаю к руке мокрое полотенце с завернутым в него замороженным фаршированным перцем.

Топот наверху подсказывает: Валерик грамотно выполняет возложенную на нее задачу по отвлечению младшей.

Снегурка Федя в своем красивом наряде убирает последствия моего проеба, а я пялюсь на нее и чувствую себя, как дурак на именинах. Ибо счастлив до усеру.

А знаете почему?

Да потому что вид — закачаешься.

Ага. Особенно, когда Снегурка забывает запахнуть верх наряда, и на меня глазеет то одно, то другое дивное полушарие ее подружек.

Ах, хороша!

Низ ее платья тоже, кстати, нехило так будоражит раздраженное воображение. Особенно, когда полы слишком сильно распахиваются, оголяя то одну, то другую ножку! В этих белых сапожищах они бесконечные какие-то. Вот эти бы ножки, да на плечи...

Ух!

А там уже дело за малым: взять на таран и только вперед.

Замечтавшись, ощущаю дискомфорт в своем южном секторе. Тимурка рвется из трусов, желая показать себя даме во всей, так сказать, боевой раскладке. И мне, поерзав, приходится приложить холодный перец к другому своему... перцу.

Вот вообще щас не вовремя!

— Болит? — Федя, заметив мою гримасу, тут же бросает свое занятие и спешит ко мне.

— Нет, нет, все в порядке! — поспешно заверяю ее. Голос сел, и я хрипло каркаю: — Продолжайте... гхм... у вас очень хорошо выходит...

Эротично, я бы добавил. Но не буду.

Что я, враг самому себе?

Глава 12. Снежинки

Тимур

Федя с подозрением смотрит на меня, но, слава яйцам, берется за совок.

— Мусорное ведро под раковиной, — подсказываю ей.

Снегурка распахивает дверцу и неожиданно падает в ошибку. В смысле, замирает, гипнотизируя ведро.

И че там?

Медленно она склоняется и, вытащив за горлышко пузырь оскверненного коньяка, переводит говорящий взгляд на меня. Мол, и ты, алкаш, тут чего-то еще изображаешь из себя?

— Это не то, что вы думаете, — брякаю я.

Снегурка Федя аккуратно, двумя пальчиками, ставит бутылку на место и захлопывает дверцу.

— Да я и не думала, — пожимает плечиками, а у самой вид, как у тех теток из опеки.

— Чай там, — хмыкаю и перец с хозяйства убираю.

Брови на хорошеньком личике взлетают вверх.

— Оригинально, — тянет. — А сахар у вас в банке из-под специй?

— Ага. Рядом с уксусом, перелитым в бутылку из-под газировки и с надписью «выпей меня», — язвлю скорее по привычке.

Ну в самом деле, че такова? Я не запойный дебошир, с которым детей опасно оставлять. Блядь.

Невольно вспоминается первый раз, когда по науськиванию тещеньки к нам пришли две тетки и водили тут своими жалами, пытаюсь найти хоть один повод отобрать у меня детей.

Телефон издает громкую трель и начинает елозить по столу.

Заглядываю в экран и морщусь, будто хлебнул того самого уксуса.

Теща моя драгоценная. Будто подслушав мои мысли, набаяривает с настойчивостью коллектора.

Она ж не уgomонится.

— Слушаю, Паулина Анатольевна, — устало буркаю в трубку.

— Вы где? — сходу начинает она допрос с пристрастием.

Вот очень хочется ответить в рифму, но тогда — война. А я обещал себе в новом году карму не портить, поэтому выдаю спокойно место дислокации:

— Дома, где ж еще.

— Дома? — на кой-то черт переспрашивает теща.

Нет, блядь, съебались из страны, как твоя дочуня!

При мысли о бывшей жене раздражение привычно начинает бродить внутри, как щедро сдобренные сахаром дрожжи.

Делаю глубокий вдох и мычу как телок:

— Мгм.

Ибо на языке один мат-перемат вертится.

Достала меня эта семейка!

— У вас все в порядке? — голос тещи взлетает на пару октав вверх. — Я звоню-звоню, никто не отвечает!

Ну ёк-макарёк!

— Я же вам ответил.

— А Лера сбросила! Два раза! — с обидой.

Закатываю глаза.

Ну, Валерик! Кто ж так тактически проебывается?

— Как мои девочки?

Девочки мои, и точка. Но этот вечный спор не для телефонного разговора и нежных ушей всяких Снегурочек.

— Всё в порядке, Паулина Анакондо... э, то есть Анатольевна.

— Ты там пьешь, что ли?

Молчу. Просто, блядь, молчу и дышу по квадрату.

— Как Оливия? Не болеет?

Ой, вот не сглазила бы, гримза старая!

Пока я раздумываю, как ответить, снегурка Федя гремит посудой в раковине.

— Оставьте, я сам, — бросаю ей.

— У вас кто-то еще дома? — тут же в динамике оживает теща.

— Аниматор у нас, — коротко отбиваю. — С наступающим, Паулина А-на-толь-ев-на. Всех благ. А Валерии я передам, чтобы трубки брала.

Слава яйцам, у мелкой пока только часы с маячком.

Я сворачиваю разговор и поднимаю взгляд на Федю.

— Простите, не хотела мешать, — покаянно склоняет голову.

Хмыкаю. Нашим беседам с бывшей тещей, которая с упорством Бэ-Тэ-ЭРа лезет в нашу жизнь, может помешать только ядерный взрыв.

— Нормально всё, — отмахиваюсь и двигаю к ней. — Ладно вам, посуду мыть тут еще надумали.

— Ой, стекло же! — пищит. — А вы босиком!

И так обличительно это произносит, что мне становится смешно.

— Не переживайте, у меня шкура толстая, как у носорога.

Забираю Федин инвентарь и уношу в кладовку.

— Сейчас работа запущу, и всё нормально будет. Разрешите?..

Федя делает шаг в сторону. Краем глаза вижу, как она, покачнувшись и взмахнув руками, с тихим «ах» летит носом вперед.

Инстинкты срабатывают раньше мозга. Разворачиваюсь и ловлю ее, крепко прижимая к себе.

— Порядок! — говорю по привычке, глядя в расширенные от страха глаза Феде.

— Пу-пуговица, — испуганно лепечет она, ручонками своими меня сжимая.

«Где ты тут пуговицу нашла, чтобы поскользнуться?» — хочу брякнуть, но тут мой взгляд смещается ниже ее подбородка, на шею.

Скользит по светлой коже.

И еще чуть ниже...

А там!..

— Снежинки? — вырывается у меня.

Глава 13. Будем знакомы

Степанида

Я в немом шоке пялюсь на Тимура, а он откровенно пялится на моих девочек.

— Снежинки? — выдает удивленно с хрипотцой.

Хочется заорать в голосину, как тот самый жирный сурок в горах: «А-а-а-а!»

Но вместо крика из меня вылетает задушенное «ы-ы-ы», и я замираю в крепких тисках Тимура, как пойманная в лапы большого кота синичка-истеричка.

И у этого кота ну очень голодный взгляд. А руки-утюги прожигают во мне дыры прямо через ткань распахнувшегося пальто-эксгибициониста.

Чертова пуговица, ты что натворила, а?

А ты чем думала, Степа, когда этот порно наряд выбирала?

Повисает неловкая пауза, в которой, клянусь, слышно, как в моей бедовой голове, спешно распolzаясь, визжат самые стыдливые тараканы.

— Гхм.

Тимур первым приходит в себя, и, мазнув напоследок ну очень горячим взглядом по моим вершинкам, без лишних слов отпускает меня.

А я? А что я? Стою, дура душой, сжимая полы пальто-предателя. Варюсь в кипятке и мечтаю отсюда телепортироваться прямо на Луну.

Но перед этим желательно устроить хозяину дома сеанс локальной амнезии, чтобы забыл мое бесстыдство, как страшный сон.

— Ты бы... Федя, не бегала в таком виде по морозу, — выдает задумчиво Тимур.

И я даже не спорю с неожиданным переходом на «ты». После такого шоу еще и закурить можно.

— Застудишь... самое ценное, — добивает он меня.

Моим ценностям стоит только позавидовать — столько внимания они давненько не получали. Да еще все разом!

— Я... я дико извиняюсь! — выдавливаю из себя.

Дар речи явно сбежал вместе с тараканами.

— Это все вина пуговата... Э-э-э, то есть пуговица... Я как-то так, а она... И вот!

И легким движением руки брюки превращаются...

Молодец, Степка! Не пропадешь!

Ты тут всего пару часов, а уже продемонстрировала мужику всё, чем матушка природа наградила! Мдэ.

Тимур, не подозревая, какие дебаты устроили в моей голове оставшиеся тараканы, только хмыкает:

— Кто ж такие наряды... ненадежные одевает к детям, а, Феденька?

Так-то «надевает», но у нас тут и не слет филологов.

— А кто сказал, что я к детям шла! — вспыхиваю в ответ.

— А к кому мы шли? — ехидненько так.

— Так к вам!

У него от удивления вытягивается лицо.

— Ко мне?

— Ну не совсем к вам! — завожусь, как папин раритетный запорожец и начинаю бухтеть. — Подошел бы любой мужчина с этим... как его?... Набалдашник такой с круглой головкой...

Из башки вместе с тараканами напрочь сдуло название этой фиговины, на которую трос цепляют.

— Это ты так член называешь?

Че-го?!

Какой еще член? Он подумал, что я?.. Что я из этих?!

А и правда, Степ, чего это извращенец Тимур так переполошился? Ты ж пришла в костюме тиранозавра, а не секси Снегурочки!

Пока я тут обтекаю, Тимур успешно продолжает сеанс шоковой терапии:

— Я что-то не припомню, чтобы заказывал себе новогодний релакс с окончанием...

Давлюсь воздухом на вдохе.

Едрит твою налево и кружку Эсмарха мне в зад! Каким еще окончанием?!

— Да я вообще не такая! — повышаю голос в допустимом диапазоне.

Не дай, Гиппократ, услышат дети и прибегут сюда. А тут Снегурка полуголая орет на их батю, что она не путанит.

— Все так говорят.

Ы-ы-ы! Да он же специально!

Пыхчу раздраженным ежом и вдруг вспоминаю название той самой кривой фигулины:

— Фаркоп!

Тимур взирает на меня, как на умалишенную.

— Мне на букву пэ?

— Вам исключительно на хэ!

Забывшись, я резко всплескиваю руками, и полы пальто тут же расходятся, демонстрируя полупрозрачное безобразие.

Хозяин дома как по команде опускает глаза ниже красной линии.

— Ай! Вы чего делаете? — верещу, судорожно прикрываясь ладонями. — Хватит пялиться!..

— Да я бы рад! Но оно само! — издевается этот гад. — Как выпрыгнет, как выскочи-и-ит...

Вот же гадство.

— Отвернитесь! В конце концов, это неприлично... вот так вот... глазами...

— Ой, сказал бы я, Федя, что такое неприлично, — вещает мне широкая спина Тимура довольным голосом. — А лучше бы показал...

— Эм, кстати, я не совсем Федя.

Хмыкает.

— Охотно верю. У Феди такого... гхм, арсенала быть по определению не может, — Тимур на секунду замолкает и продолжает с тем же весельем: — Если дело происходит не в Тае. Там боевые вертолеты на каждом шагу могут встретиться...

— Боевые вертолеты? — зачем-то переспрашиваю.

Ну ясно же, что какая-то пошлятина.

— Ну, это когда сверху девочка, а внизу мальчик с пипиркой, — охотно просвещает меня Тимур. И так ехидненько: — У тебя, надеюсь, нет такой приبلуды? А то я не разглядел...

Ах, не разглядел он!

Вот как бы стукнула по этой самой широкой спине в отместку.

— Зовут-то тебя как, Снегурочка?

Настает мой черед фыркать перед тем, как сознаться:

— Степанида.

Тимурова спина выражает крайнюю степень удивления.

Очень выразительная она у него, ага. Такую бы спину да в театр, все бы уписались от восторга и орали браво.

— Степка, значит?

Тимур косит в меня зеленым глазом и, убедившись, что все снежинки надежно прикрыты, а боевые вертолеты не угрожают его подтянутому за... в смысле тылу, разворачивается и протягивает мне ладонь:

— Ну, будем знакомы, Степа.

Глава 14. Удар ниже пояса

Степанида

— Ну, будем знакомы, Степа, — Тимур с улыбкой протягивает мне ладонь.

Вкладываю свою и отчего-то по-девичоночьи балдею от того, как моя ладошка утопает в его огромной лапище. Надежно и крепко.

Очень некстати вспоминается шутка урологов о связи размера ладони и размера мужского естества. Мол, если ладонь большая, то и ниже пупка всё солидно. А как оно на практике — молча ржут, интриганы.

Щеки откровенно печет, когда мой нехитрый анализ заканчивается на фразе «да оно ж в меня не влезет!»

Ой, слышали бы меня наши гинекологи. Подняли бы на смех.

Признаться, у Ромы с оснасткой было так себе. Он вечно по этому поводу комплексовал и даже делал эпиляцию, чтобы его сокровище *там* было похоже на гордого жирафа, а не забитого страуса, выглядывающего из кустов.

Интересно, у Тимура там жираф или страус?

Ай! Ой! Степа, а ну вернись обратно из этих эротических дебрей!

— Ага, — мяукаю я, не способная вытравить из головы дурные мысли.

Очень вовремя мне на глаза попадается выглядывающая из-под стола обгоревшая головешка.

— Кхм. Тимур, ваше мясо там... кажется, того. Умерло.

Морщится, отпуская меня и ероша волосы на затылке.

— Мда, с праздничной свининой вышел эпичный проеб. — Дергает квадратной челюстью. — Ладно, это всё лирика. Федь... э-э-э, Степа, ты что-то говорила про фаркоп... Кстати, ничего, что на ты?

Да уж поздно пить Боржоми, когда весь товар, так сказать, лицом показала. Ага. И лицом, и передом.

Качаю головой.

— У меня... в общем, — мнусь, подбирая слова. — В общем, сани мои застряли. Ну и мне как-то надо их теперь из сугроба вытащить.

Тимур задирает вопросительно бровь:

— Сани? В сугробе?

— Ага. Японские такие сани. Рядом с вашим монстром...

Считаю разноцветные бусины в его ожерелье, избегая насмешливого взгляда.

— Что ты ж сразу не сказала? — Тимур накидывает на плечи объемную куртку цвета хаки. — А мы тут тебя припахали...

— Да мне не сложно.

— Ну-ну. Пойду гляну твои... сани.

Возвращается он через пару минут в крайней степени удивления.

— У меня только один вопрос: как?

Развожу руками:

— Очень домой хотела.

— Есть женщины в русских селениях, — тихо цитирует он.

— Так ты поможешь? — с надеждой смотрю на Тимура.

Но он быстро эту надежду у меня отбирает одной лишь фразой:

— Час назад ледяной дождь прошел. У тебя сани в глазури толщиной с палец.

Издаю полный разочарования стон, хватаясь за голову.

Ы-ы-ы. И как теперь быть?

— Такси? — рассуждаю вслух.

Им же любой апокалипсис — и друг, и брат, и ценник, умноженный на три.

— Женщина, тебе жить надоело? — свирепо смотрит на меня Тимур. — Там каток. Черт.

И что делать? Возвращаться в Ромино гнездо разврата?

У-у-у, нет! Ни за какие деньги! Я лучше пешочком дошкандыбаю до города... как раз к дежурству успею.

— Вот что, Степа, — Тимур нарушает тишину. — Оставайся у нас. Утро вечера мудренее. Остаться? Здесь? С ним?! В смысле, с ними.

— Но... но я... — начинаю, но тут по лестнице с визгом спускается сначала младшая Тимуровна, а следом за ней и старшая.

— Останься-я-я! — Оливия обнимает мои ноги, умоляюще заглядывая в глаза. — Останься с нами. Ну, пожа-а-авуста-а-а!

Малышка едва не плачет.

Боже, это удар ниже пояса.

Ну как вот такой отказать? Да и ведь правда, куда я сейчас пойду?

Ген авантюризма во мне битый-перебитый. Снегурочка с сюрпризом — это мой потолок.

Но прямо сейчас что-то тянет меня согласиться.

Глава 15. Опять!

Степанида

С улыбкой склоняюсь к крошке и доверительно ей сообщаю:

— Знаешь, я могла бы ненадолго задержаться. До полуночи, но должна признаться тебе...

Тимур предостерегающе супит брови.

Не надо нервничать, я ж не зря березы и пни в театральном кружке играла. Тоже кое-что умею.

— Только это большой секрет!

Глазенки Оливии расширяются от предвкушения.

— Я Снегурочка только один день в году, когда Старый год уступает место Новому.

Малышка хмурит брови точь-в-точь как Тимур.

— Это сегодня?

— Да, верно.

— А потом ты вастаешь?

— Нет. Я не растаю. — Ну какая же она милашка! — Просто в другие дни я ничем не отличаюсь от тебя.

— Ты тоже ходишь в садик и ешь кашу?

— Я ведь уже взрослая, а в садик ходят маленькие детки. Но я умею варить кашу и хожу на работу, как твой папа.

— Так ходишь?

Оливия ручкой трогает мех на моем рукаве.

— Нет, — улыбаюсь ей. — Я надеваю обычную одежду, чтобы никто не понял, что я Снегурочка.

— Как камуфляш! — восхищенно ахает Оливия.

— Умничка!

Я буквально чувствую, как от облегчения отпускает Тимура.

Бросаю на него короткий взгляд.

Ну вот, а ты боялся!

Подумав, крошка с подозрением вопрошает:

— А тебя так и зовут Снегуючка?

— У меня есть и другое имя. Степанида. Но можно и просто Степа.

У Валерии вытягивается лицо, зато Оливия не сдерживает радости:

— Папа, ты свышав? Как квасиво!

Малышка манит меня и громко шепчет на ухо:

— Степа, а ты тоже какаешь?

Едва не прыскаю от смеха.

Слышу, как сверху кряхтит Тимур и Валерия издает короткие выдохи «пыф-пыф».

Смешно вам? Между прочим, у многих с этим самым проблемы! Или вы думаете, клизмы просто так придумали.

Сохраняя невозмутимость пня, торжественно сообщаю:

— Тоже.

Поднимаю глаза на Тимура и попадаю в капкан его взгляда.

Только попробуй заржать!

— Ну что, бандитки, встретим праздник вместе со Снегурочкой? — обращается он к дочкам.

— Да! Да! Да!

Валерия бросает на меня хитрый взгляд и пожимает плечиком:

— Я не против.

— Ува-а-а!

Оливия прыгает от радости, и ее два хвостика задорно взлетают вверх.

— Только мне бы во что-то переодеться. — Сжимаю ворот пальто.

— А у меня повно одешвды! — радостно пищит Оливия, но быстро сникает. — Товко она на тебя не ввезет. Валев?

— Ой, не смотри на меня так, — хмыкает ее сестра. — Это к папе все вопросы.

Логично. Он же меня сюда притащил.

— Папочка! У тебя вже есть одешка?

Да, папочка. Поделитесь немножко.

В конце концов, по вашей милости я тут светанула своими бесстыжими снежинками.

В большой светлой ванной, сложив стопку выданной Тимуром «одешки» на тумбу, смотрю на свое отражение в зеркале.

А там — мама дорогая! — тетя из фильмов для взрослых.

И как меня угораздило купить это?

Это не белье. Это разврат полнейший.

Тонкое как паутинка кружево ничего не скрывает, а только подчеркивает все положенные анатомией и не сожженные диетой выпуклости.

И я вот это все ликалепие... Тимуру прям под нос сунула. Натe, любуйтесь.

Ы-ы-ы.

Щеки мгновенно заливаются краской.

Надо остудиться.

Включаю воду и умываюсь, убирая свой папуасский макияж.

В зеркале снова отражаюсь привычная я... только в секси версии ниже подбородка.

Что-то ты темнишь, подруга.

Себе-то уж можно признаться, что это не битый ген авантюризма в тебе проснулся и потому ты согласилась остаться.

Просто чьи-то горячие объятия и вау-какие взгляды расплавили одну липовую Снегурочку. И она чуть не стекла лужицей на пол.

Да-да. Так и было.

Ой, все!

Надо искать во всем плюсы, Степашка.

Ты в тепле, задницу на улице не морозишь.

Да. Это несомненный плюс.

Компания, опять же, подобралась просто чудесная. В отличие от изменщика бывшего.

Это вообще жирнющий плюс. Как говорится, как Новый год встретишь...

Подмигиваю своему отражению.

И, кстати, о заднице. Ее-то как раз Тимур не видел.

Сплошные плюсы, ну!

Дверь неожиданно распахивается.

— Слушай, я тебе вместо шортов трусы... — начинает Тимур и резко осекается.

Что, опять?

Глава 16. Сердечная реанимация

Тимур

А-ху-еть!

Готов свой броник заложить, меня так давно не выносило от одного вида обнаженной женщины.

Пискнув, Степа юлой изворачивается и прижимает одну ладошку к груди, вторую — как раз на третью снежинку. В зеркале магнитит взгляд попа-сердечко в прозрачных трусах.

Ее кожа моментально приобретает розоватый оттенок, и я зачем-то представляю, что именно такая — румянющая от возбуждения — она лежит подо мной после оргазма.

Вдоль позвоночника — огненный вал. Прошивает крестец и с гудящим напряжением наполняет яйца.

Отбой, боец!

Резко поворачиваю голову в сторону, лишая себя обзора. Прочищаю горло и выдаю хрипло:

— Гхм, прости.

Боковым, один черт, вижу охуительный силуэт.

— Стучаться нынче не принято? — мяукает возмущенно Степа.

— Да я по привычке. — Ерошу ежик на затылке и зачем-то добавляю: — Если что, я ничего не видел... снова.

Это проеб, Беркут.

По шороху догадываюсь, что футболку Степа уже напялила.

Точняк. Она ей как платье. Всю красоту закрыла. А оно, один хуй, у меня уже на подкорке.

Как вот теперь не удрочиться на снежинки?

— Вот, держи, — протягиваю ей леггинсы. — Валерик из своего фонда выделила. Получше батиных трусов...

Степа фыркает, но шмот у меня забирает.

— Ладно... это, пойду я... — растеряв добрую половину слов, эвакуируюсь наружу. — А то щас там мои бандитки дом подожгут.

— У тебя, что, спички в свободном доступе? — удивленно смотрит на меня Степа.

— Нет, конечно. Но у меня очень талантливые дети.

На кухне рулька торжественно водружена на стол. Прямо на скатерть, блядь.

— А чего она ваялась? — Оливка театрально разводит руками.

Действительно. Хули этот кусок обугленного дерьма там лежит.

— Моя хозяйюшка, — чмокаю мелкую в макушку.

Ну хоть полдома не разобрала отверткой, уже хорошо.

Окидываю взглядом пространство.

— Валерик где?

— Вугается с кем-то, там, — Олик пальчиком указывает на входную дверь.

Уж не с Костей ли?

Выглядываю на крыльцо и уже собираюсь рявкнуть в стиле яжбати про куртку и шапку, но засовываю язык в жопу.

Потому что мой ребенок стоит, обняв себя ручонками, и горько плачет.

На морозе! Без куртки, блядь. И без шапки.

Ну, Костя, ну, погоди!

— Быстро в дом, — рычу, мечтая накрутить щенку уши.

Каким бы я ни был проработанным папкой, а в такие моменты забрало падает за секунду.

Никто не смеет обижать моих девочек!

Дочь понуро плетется обратно.

— Лер, ты вот чем думаешь? — с порога начинаю ей греть мозг. — Пневмония тебе шутка какая-то? Голая выпрыгнула на мороз!

Валерик только сопит, шмыгая соплями, и смотрит волчонком.

— У тебя голова только для дредов, Лер? Из-за какого-то сморчка...

— Пап, отстань! — огрызается в ответ, а слезы снова катятся и катятся по щекам.

Ну, пиздец-приехали!

— Лева, ты пвачешь? — к нам подбегает Оливка и пытается обнять сестру.

— Отстань! Отстаньте вы все от меня!

Мелкая моментально считывает ебанный вайб и надувается от обиды. Подбородок дрожит, в глазах стоят озера слез.

Степанида появляется как раз в тот момент, когда я уже морально готовлюсь к армагеддону.

Уж лучше бы зомби-апокалипсис.

— Тимур, — тихо окликает она меня и качает головой.

А я что? Я ее, что ли, до слез довел?

Киплю, пережевывая внутри сочные матюки.

— Милая, — Степа мягко привлекает к себе Леру.

И моя дочь — колючка, что терпеть не может все эти пожалелки! — поддается.

— Пойдем, умоемся, — она продолжает ее ласково заговаривать. Лера коротко кивает.

— Вот и умница.

Перед тем как уйти вслед за Валериком, Степа делает большие глаза и обращается ко мне:

— Здесь нужна не шоковая терапия, а сердечная реанимация.

Эй, родители, тоже передергивает, когда кто-то лезет со своими непрошенными советами к вам?

Вот и я ненавижу. Это моя семья. Мои дети. Никто не знает их лучше меня.

Но под мягким взглядом серых глаз я сдаюсь.

Степа с Лерой уходят вверх. Оливка, остро чувствуя настроение сестры, понуро опускает голову.

— Эй, чего киснем? — подхватываю малышку на руки. — А кто на стол мне поможет накрывать?

— Я?

— Конечно, я же без тебя не справлюсь.

— Эх, папочка, — тяжело вздыхает она, поглядывая на меня. — Такой бовшой, а всё никак не научившись. Пойдем!

Прячу улыбку.

Моя генеральша.

Папке бы тоже не помешала сердечно-легочная реанимация. Но я согласен и на простое «рот-в-рот».

Да кто ж даст?

Глава 17. А вдруг это судьба?

Степанида

— Не надо так на меня смотреть, — обиженно бурчит Валерия, возвращаясь в свою комнату с полотенцем в руках.

Потеки туши превратили ее в пандочку. Маленькую раненую пандочку.

— Как?

Лера падает на кровать, сажусь рядом, занимая место в ее ногах.

— С жалостью! — выпаливает и прижимает к лицу руки. — Ненавижу эту чертову жалость.

— Это не так. Мне не жаль тебя, Лер, — говорю спокойно.

Она тут же убирает ладони от лица и заинтересованно смотрит на меня.

Да-да, детка, это шоковая терапия по-синицынски. И, в отличие от методов твоего папки-рубачи, с более тонкой настройкой.

— Мне не жаль тебя, — повторяю, аккуратно подбирая слова, — потому что я тебя понимаю.

Немой вопрос в заплаканных глазах.

— Да, понимаю, Лер, — грустно развожу руками. — Мальчики, что в пятнадцать, что в тридцать ведут себя одинаково. И также одинаково делают нам, девочкам, очень больно.

Шмыгнув носом, Лера садится и понуро опускает голову на колени. Даже ее розово-голубые дреды, и те поникли.

Маленький птенчик.

Экран ее телефона загорается от входящего уведомления. Лера хватается телефон, но тут же кривится и отбрасывает гаджет в сторону.

Сообщения продолжают сыпаться, но она больше не делает попыток взять смартфон в руки. Только супится все сильнее.

Краем глаза смотрю на экран. На заставке Лера и какой-то мальчик. Надо понимать, что тот самый.

«Эх, Вася, Вася...»

Вот сейчас нужно действовать очень осторожно. Практически — операция на открытом сердце в полевых условиях.

Одно неверное движение, и всё.

— Это твой мальчик? — спрашиваю тихо, кивая на телефон.

— Он не мой, — тут же пылит Лера, поднимая заплаканное лицо, и добавляет убито: — Теперь уже точно. Он с Ленкой замутил. А меня тупо френдзонил...

У-у-у. Да этому «Васе» точно клизму надо! Кто же так делает?

— Знаешь, меня тоже сегодня бросил мой молодой человек, — признаюсь.

— Гонишь! — Лера опасно щурит глаза.

— Нет, это чистая правда.

Эй, взрослые, никогда не принижайте проблему своего ребенка. Даже если вам кажется, что она не стоит и выеденного яйца. Поверьте, для маленького человека масштаб его личной трагедии может быть больше вашего. Ведь у него у еще нет опыта и багажа знаний.

Да и вспомните себя в детстве, в конце концов! Что, все были до хера проработанные?

Моя тетка всю жизнь мне говорила: «Чего сопли развесила? Не помер никто».

Да, в ее представлении, только смерть заслуживала искренней скорби, и уж точно никак не моя любимая Барби, которую она накануне отдала соседской девочке.

Я уверена, что Лера через пять-десять лет даже не вспомнит, почему так сильно рыдала из-за этого мальчика.

Но сейчас ей больно, и все, чем я могу помочь, это пережить ее вместе.

Поэтому искренность на максимум:

— Мы с ним вместе были три года.

— Три? — ахает Лера, а в глазах наконец-то появляется любопытство.

— Большой срок, правда? — легонько толкаю ее плечом. — А недавно мы сильно поссорились. Если честно, я уже думала, что и не помиримся больше. Но все-таки решила попробовать помириться и к нему сегодня приехала. Хотела сюрприз устроить. Нарядилась Снегурочкой, ресницы одни клеила полчаса!..

Закатываю глаза, мол, зацени мою жертву, а Лера тихонько фыркает.

— Вы не помирились с ним?

— Нет. — Качаю головой. — Оказалось, что он... уже замутил с другой. Мы окончательно расстались, и я...

— И ты пришла к нам.

— Да, пришла к двум замечательным девочкам, у которых всё в жизни впереди.

Я мягко обнимаю Леру, покачивая:

— Уверена, он еще локти будет кусать.

Валерия благодарю обнимает меня в ответ.

— А знаешь, в чем еще я уверена?

Лера удивленно вскидывает глаза.

— Что твой мальчик обязательно тебя найдет и никогда не отпустит! И он точно не будет обижать тебя. Или френдзонить.

— Где я такого встречу?

— Судьба обязательно вас столкнет лбами. И точно поймешь — это он.

Мы еще так немного сидим, каждая думая о своем.

— Пойдем? — поднимаюсь и подаю Лере руку. — Нас там уже потеряли, наверное.

Валерия кивает и вдруг шкодливо так улыбается.

— Степа, а ты, получается, сейчас свободна?

— Получается, что так. А что?

— Да так, ничего, — произносит довольно и вкрадчиво так добавляет: — Просто, папа у нас тоже свободен...

Невольно улыбаюсь, спускаясь вслед за Лерой.

Ох, уж эти детки-сводники.

Но стоит мне столкнуться взглядами с Тимуром, как мое собственное сердце начинает истерично биться.

Степаш, а вдруг это судьба?

Глава 18. Однозначно

Тимур

По первому этажу разносится аромат куриного шашлыка из аэрогриля. Да, не праздничная свинина, но лучше, чем ничего.

В гостиной уже накрыт стол, Оливка деловито подпихивает под каждую тарелку салфетки. Перемигиваются искусственные свечи, бросая мягкие блики на приборы.

— Квасивенько, — доча восхищенно вздыхает.

— Молодчик. И что бы я без тебя делал?

— Фто-фто? Певмени бы ев и в диван певдев, — повторяет она мою же фразу.

— Эй, это взрослые разговоры, — грожу ей пальцем. — Подслушивать нехорошо.

— Ну фто вже мне девать, есви ухи у меня есть? — Оливка театрально всплескивает руками, едва не задев кувшин с морсом.

Убираю его от греха подальше, а то с моей маленькой катастрофы станется перевернуть тут все за секунду.

— Не ухи, а уши, — поправляю.

— Ты вже сам так сказав Мивше.

— Вот именно. Мише, а не тебе.

— И ты ешь певмени. И певдишь, — продолжает гнуть свою линию защиты дочь.

— Да, — с тяжким вздохом соглашаюсь.

А чего поделать? Логика-то железная. Доказательная база тоже к носу подведена.

Пельмени домашние в морозилке имеются. С пердежом, думаю, и так всё понятно. Еще не научилось человечество эту функцию жопы отключать.

— Но я бы не стал об этом всем рассказывать. Понимаешь?

Хотя, судя по последним тенденциям и той хрени, что периодически оказывается в ленте запретграма моей старшей дочери, человечество ждет тотальный пиздец.

Скоро эти, прости-хоспади, блохеры будут показывать на весь интернет, какую кучу дерьма они насрали, и рассказывать, какое оно на вкус.

Куда мы катимся?

— И Степе товже? — приходит к каким-то своим умозаклучениям Оливка.

— И ей тоже.

Особенно ей. Боюсь, такими умелками я ее точно не впечатлю. Разве что домашними пельменями, но и это не факт.

А ты хочешь, Беркут?

— И в шадике? — Оливка задумчиво стреляет глазками.

— Да. В садике пересказывать взрослые разговоры тоже не надо, — бубню.

— Позвно! — с улыбочкой.

Да моя ж ты красота.

Ладно, пельмени и пердеж это еще куда ни шло. Зато теперь понятен взгляд воспитухи... такой немножко охувший.

Мне в кошмарном сне снится тот раз, когда она так аккуратненько отвела меня в сторону и спросила, всё ли нормально у нас дома.

Честно, я тогда не сразу вкурил в ее расспросы. А потом, когда она рассказала, как Оливка на обеде научила всю группу компот хлебом занюхивать, я чуть в осадок не выпал. Нерастворимый, блядь.

Позже выяснилось, что в гостях у моих родителей ребенок играл на детской площадке. Там же на скамейке отирались местные алкаши. И если бы эти твари просто тихо-мирно

сидели, а не бухали. Дочь очень быстро просветилась культурой питья. Ну и понесла ее в массы...

Блядь. Я таких пиздов давно не раздавал. Нашел этих местных аборигенов и очень популярно объяснил, где они окажутся, если еще хоть каплю в рот возьмут в общественном месте. Пусть травятся подальше от моего ребенка.

А Оливии объяснил, что такие вещи повторять за чужими дядями нельзя и даже опасно. В гостиную влетает Валерик, отвлекая меня от нелегких папских дум. На лице улыбка. Фух. Можно выдыхать.

— Порядок? — тихо уточняю у Степаниды.

Кивает и загадочно улыбается.

— Давайте, девчонки, усаживайтесь к столу.

Мои бандитки тут же начинают дележку, кто сядет рядом со Снегурочкой, но до драки дело, слава яйцам, не доходит. Обе быстро смекают, что можно зажать Степку с обеих сторон. Эх, батя бы тоже не отказался зажать... особенно после урагана из снежинок.

— Ой, а я без платья... — растерянно произносит Степа, переминаясь с ноги на ногу.

Подмигиваю ей, легонько подталкивая в спину.

— Падай. У нас тут всё фу по-простому.

— Я тоже не хочу пватье! — Оливка подскакивает с дивана, как пружинка.

— А кто мне сегодня сказал, что ни за что его не снимет? — хмыкаю. — И даже угрожала в нем лечь спать.

— Певедумава, — пожимает плечиками моя бандитка.

— Ну, вперед тогда, боец.

— Степа, пойдем! — мелкая хватает за руку Степаниду и тянет за собой.

Генеральша.

Конечно, со старшей она ходила, а с мелкой нет. Не порядок.

Наша гостя со смешком идет за подпрыгивающей Оливкой.

— Она красивая, правда, пап? — тихо сообщает мне Валерик.

Как по команде стреляю глазами в Степкину узкую спину и аппетитно покачивающиеся ягодицы.

Мне пиздец.

Сглатываю и выдаю на автопилоте:

— Очень.

— И не за-а-амужем, — тянет нараспев Лера, хитро поглядывая на меня. Чисто лиса.

— И ее парень, кстати, сегодня бросил.

— Что за разговорчики? — хмурю брови.

Дочь тут же строит невинную мордашку.

— Так, к слову пришлось.

Надо бы сделать ей внушение — не лезть в чужую личную жизнь. Но я подзависаю, зачем-то фиксируя эту информацию.

Бросил? Такую женщину? Еблан! Однозначно.

Глава 19. Не тупить

Тимур

И был тихий семейный вечер. И снег торжественно падал за окном, наметая сугробы...

Ой, блядь, да кого я обманываю?

У Беркутов и тихо?! Вы угораете, что ли?

Оливка за эти десять минут успела смахнуть картофельное пюре с тарелки себе на колени, залезть на стол и таки опрокинуть кувшин с морсом. Ну и на десерт поцапаться с Валериком из-за горбушки хлеба.

— Это мой куфок! — ревет она, пытаясь ущипнуть сестру.

— Возьми другой, в чем проблема? — старшая выглядывает из-за Степы и равнодушно пожимает плечом.

— Отдай!

— Хочешь я с тобой поделюсь? — осторожно пытается вклиниться между сестрами Степа.

— Нет! Я хочу то-о-от!

— А я его уже облизала! — Валерик подливает керосинчика, высывая язык.

— Дува!

— Сама такая!

— БИ-ы-ы! — орет Олик и хлопает ладошкой по тарелке.

Попадает аккуратно в оливье. Брызги сметаны и шрапнель из горошка и колбасы разлетаются во все стороны.

Ощущаю шлепок чего-то холодного на щеке и шее.

— Ой!

Оливка, вся в белых брызгах, с бесенятами в глазах смотрит на меня.

— Я нечаянно, папочка.

Ну, конечно.

Хмыкаю и утираюсь салфеткой.

— Эй, твой горох мне в тарелку попал! — кипит возмущением Валерик, брезгливо гоняя вилкой зеленую горошину.

— Так тебе и надо! — Олик в ответ показывает ей язык. — Бувдешь тепевь как папа, певде...

— Гхм-гхм! — окликаю младшую.

— А! Ой! — Она стреляет глазками в Степу и невинно продолжает: — Квасивая бувдешь... как папа. Степа, а пвавда мой папа квасивый?

Степанида от такого пердимонюкля громко закашливается:

— Я... кха-кха... я не...

Бросает в меня взгляд, мол, Тимур, помогай.

— Папа очень красивый, — выручаю Степу и под смешки детей корчу страшную рожу. — Особенно по утрам.

Смех становится еще громче, Степа присоединяется к общему веселью.

Под шумок нахожу в хлебной корзине ту самую вожделенную корку и кладу на тарелку младшей.

— А еще папа справедливый и очень строгий... и сейчас кто-то пойдет спать без торта, если будет и дальше папку сватать.

— Эх, ва-а-адно, — Оливка, быстро раскидав перспективы, тяжело вздыхает, и даже хвостики, аккуратно причесанные явно Степиной рукой, уже не так воинственно топорщатся.

— Так ведь и помвёт... бобывём, — громким шепотом доверительно сообщает она Снегурочке. — Жавко вже.

У той так забавно вытягивается лицо, что я реально жду пожалелок.

— Тимур, у тебя есть проблемы со здоровьем? — играя бровями, подкалывает она меня.

Ага. С потенцией. Ее расцвет в штанах угрожает мне апоплексическим ударом.

— Здоров как бык.

— Вот видишь, Оливия, с папой всё в порядке, — с ласковой улыбкой обращается Степа к дочери. — Переживать не о чем.

Подперев ладошкой щеку, под ржач Валерии дочь изрекает:

— Беспевтекстиняк. Повный.

Оливка засыпает ближе к одиннадцати, и я отношу дочь наверх.

— Есви Дед Мовоз пвидет — буди, — нарезает она мне напоследок задачу.

Валерик помогает Степе убрать со стола тарелки и загружает их в посудомойку.

Они о чем-то шепчутся, хихикая, и я вдруг ловлю тот самый, простихоспади, вайб.

Семьи. Дома. Уюта. Своей женщины рядом.

От этого открытия мотор за грудиной вдруг начинает троить и разгонять кровь быстрее.

Я отвык быть с кем-то, кроме моих девочек. Ага, бобыль, как он есть.

Степа вдруг ловит мой взгляд и так мило смущается, что я чувствую себя пацаном на первом свидании, которому фартануло не по-детски.

Стою и пялюсь на нее, как дурак.

— Пап, спокойной ночи, — Валерик подходит и неожиданно обнимает меня.

Ага. Подросток в пубертате. Батю обнимает.

Да завтра точно зомби апокалипсис ебнет.

— Добрых, — хриплю, вспоминая, как держал ее, совсем крошку, на руках.

Боже, четырнадцать лет пролетело, как один миг. Боюсь, моргну — а какой-нибудь задорный хер уже тащит ее под венец.

Бр-р-р.

— Она такая классная! — Валерик воодушевленно шепчет мне на прощание. — Не тупи, пап, ну.

И смывается, хитрюга, пользуясь тем, что я тут от чувств разватрушился.

Мы остаемся со Степой одни.

— Как рука? — интересуется, закусывая пухлую губу.

— Порядок, — выдыхаю пересохшим горлом.

Лучше, чем весь я, однозначно. Мне будто коктейль Молотова всандалили, и теперь тело выдает странные реакции.

Онемение языка. Дрожь в конечностях. Розовый туман перед глазами. И болезненная тяжесть в паху.

Хуевые, если честно, симптомы.

Потому что так я себя не чувствовал уже как лет двадцать с гаком.

Щас-то чего происходит, а, Беркут?

— Скоро Новый год, — тихо произносит Степа.

И, бля, ебаните мне с вертухи, но мерещится в этих словах какой-то подтекст.

Такой, знаете, с рейтингом шестнадцать плюс...

А хочется-то развратных восемнадцать плюс, да, Беркут?

Да, бля!

— Шампанское будешь? — предлагаю, опасаясь сдохнуть от сперматоксикоза.

— Оно такое же, как тот чай под раковиной?

Ехидна. Но, пиздец, какая очаровательная.

Сожрал бы.

— Обижаешь, — подмигиваю ей.

Просто в оружейный сейф ни дети, ни Анакондовна никогда не заберутся.

Разливаю шипучку по высоким фужерам.

— За что будем пить? — Степа изящно покачивает свой бокал и так таинственно улыбается, что мне бы прям щас ее не сожрать.

Кое-как усмиряю тело-машину и хриплю:

— Давай за знакомство?

Не тупить, да, Валерик?

Сделаем.

Глава 20. Страшилки

Степанида

Фужеры издают мелодичное «дзинь», и я делаю глоток. Пузырьки шампанского тут же настырно лезут в нос, заставляя поморщиться.

Тимур хмыкает, глядя на мою гримаску, и протягивает свою широкую ладонь:

— Тимур Беркут. Тридцать семь. Тренер по греко-римской борьбе. Имею звание мастера спорта, богатый матерный лексикон и дохуя опыта.

Борьба. Надо же.

Смотрю на Тимура по-новому, будто накладывая на его черты фильтр. А ведь действительно первое, что я оценила — как красиво сложен Тимур.

— Хорошая профессия. Теперь моя очередь?

Он поощрительно мне кивает, подливая в бокал шипучки.

— Степанида Синицына. Двадцать семь. Медсестра. Званий нет. Но я мастер по самокопанию. А еще откликаюсь на Степашку, — произношу весело.

— Принято.

Снова пьем по глотку.

— Тут разведка боем донесла, что ты сейчас свободна.

Ну, Лера! Ну, артистка!

Откинув голову, смеюсь легко и беззаботно, а потом со всего маху напарываюсь на взгляд Тимура.

В Сочи в июле были? Солнце палящее помните? Так вот, это он его придумал.

Мне миг становится так жарко, что я одним глотком осушаю фужер.

— Есть такое, — взяв под контроль разбушевавшиеся эмоции, тихо признаюсь. И тут же выпаливаю: — А ты?

Тимур спокойно отвечает:

— Разведен, воспитываю двух дочек. Обе умницы-красавицы. Последнее — в маму. Я на рожу не шибко смазливый...

— Ты к себе слишком суров. Нормальная рожа. Ой, в смысле, нормальное лицо. Мне даже нравится.

Захлопываю рот.

Степа, тебя в какую степь понесло? Ты сейчас договоришься, и этот нормальный по всем признакам мужчина засунет в тебя свой детородный орган.

А я и не против. Кажется. Хи-хи.

Степа, да ты с двух бокалов в дрова?!

— Расскажи мне о своей работе. Сложно, наверное? — не очень ловко перевожу я тему, но Тимур как будто ведется.

— По всякому бывает. Чаще всего, конечно, нервно и геморройно, но бывает и весело, если юмор не усох в зачатке.

Или позволяет тебе, глупышке, так думать. А сам, как котик, подбирается к тебе все ближе. А потом — ам! — и съест тебя.

Ой, на здоровье!

Пьянь ты, Степа. Бесхребетная.

Хи-хи.

Соберись, тряпка!

— Не каждый решится, — качаю головой. — Быть тренером — большая ответственность. К каждому нужно найти свой подход, я бы не смогла. Все-таки педагоги святые люди.

— Я не святой, — хмыкает он весело, — но идейный, ага.

— У вас и соревнования, наверное, есть? — блещу познаниями. — Часто приходится уезжать?

— Когда как. Я привык, — отвечает Тимур, находясь в опасной близости от пьяненькой меня.

— А что случилось с браком? — ляпает мой язык.

Ой!

— Время для страшных сказок, а? Хочешь сказку, Степа?

Я чуть не брякаю, что хочу всего и сразу и можно без хлеба. И вообще, я в зюзю. Ценой невероятных усилий храбро удерживаю врага за зубами.

Тимур разливает в мой бокал остатки шампанского, а потом пружиняще встает с дивана.

— Не, такие вещи надо не под шипучку рассказывать. Никуда не уходи.

Да я вообще тут — дровяная недвижимость. Ноги-руки как ватные, в головушке полный штиль, а тело превратилось в тряпочку.

К возвращению Тимура я кое-как собираю себя в кучку. Он расставляет на столе роксы, тарелочку с дольками лимона. С треском скручивает крышку с бутылки коньяка, и я ляпаю:

— О, чаево сной? В смысле... снай, то есть чай!

Господи, как стыдно-то!

И я еще подозревала человека в пьянстве! Да мне самой пора бригаду вызывать.

Мне достается ну очень внимательный взгляд, а затем Тимур убирает один из стаканов и наполняет только свой.

— Кушай лимончик, — протягивает мне дольку. — На чем я остановился?

— Никуда не уходи, — шевелю своим размягшим мозгом.

— Точно! Как хорошо, что я нашел тебя на диване, а не в сугробе, — подкалывает он меня.

Ха-ха. Очень смешно.

Грызу кислый лимон и завидую бычьему здоровью Тимура вкупе с его реактивным обменом веществ.

— Про сказку, ага. Ну, слушай страшилку. Родился Тимурка, рос не по дням, а по часам. Выучился, по профессии первые шаги стал делать. И встретил девушку. Как водится, умницу-красавицу. Влюбился, женился. Детишек заделал, — шутливо рассказывает Тимур, покачивая в руке рокс с коньяком.

— А через девять лет «душа в душу» мой брак дал трещину. Таковую, знаешь, с Мариинскую впадину... Или это театр? А впадина Марсианская?

Задумываюсь, честно пытаюсь вспомнить название.

— Там точно на «эм»? — жалобно блею. — Может, на «пэ»?

— Да, похеру, короче, — отмахивается Тимур и делает глоток.

Я под шумок тоже пью шампанское и заедаю это дело лимончиком.

— Развелись мы. Детей она отдавать отказалась категорически, собиралась за кордон с ними уехать. Но тут уж я не дал разрешения. Какого только говна в свой адрес не выслушал. И жизнь я ей сломал, и счастьем личному с немцем мешаю, и деток-то мучаю. Вот только фрицу ни в одну форсунку не уперлись мои дети. И эта дурища быстренько переобулась в полете и притараканила их обратно.

Бедные девочки. Представить страшно, что чувствовала тогда Лера. А Оливия вообще была крошкой!

Как таких людей земля носит?

Кажется, последнее я произношу вслух, потому что Тимур криво ухмыляется:

— Успешно, как показала практика. Не думай, я не обида. Я обожаю девчонок. Но иногда очень тянет лишить бывшую родительских прав. Потому что своих не бросают.

Я невольно испытываю к нему уважение.

— Из тебя вышел замечательный папа, — произношу тихо.

— Ага. Батя с прицепом.

— Это не прицеп. Это твой локомотив, — поправляю его. — Дети... они делают с нами невозможное. Без единого приказа побуждают идти вперед.

Мысли невольно переключаются на Егорушку.

Как ты там, маленький?

Его тоже бросила мама, отказавшись сразу после рождения. И судьба у мальчишки незавидная. Если не найдутся те, кто захочет усыновить ребенка с кучей патологий.

Если. Ключевое слово «если».

— Совсем, Снегурочка, приуныла, да? — участливый голос Тимура возвращает меня в уютную гостиную, погруженную в полумрак.

К мужчине, который неожиданно волнует меня. И волнение это приятным теплом отзывается аккуратно под третьей снежинкой.

Неловко ерзаю, краснея как рак.

— Твоя очередь.

— Моя? — мяукаю.

Тимур сверкает в полумраке зубами.

— Хочу услышать эту страшную сказку, в которой твой бывший был послан нахуй.

Фыркаю. Туда Рома еще не скоро дойдет. Если дойдет.

Ох уж это «если». Прыскаю от смеха:

— Это скорее была черная комедия.

— Я весь во внимании.

Глава 21. Холодец и лихорадка

Степанида

— Для моего стендапа, нужно что-то покрепче. — Нагло цапаю тяжелый бокал Тимура. Там коньяка — на палец.

Махом вливаю в себя жидкость. Коньяк горячим комком падает в желудок.

Жмурюсь.

— Лимончик? — Тимур, посмеиваясь, протягивает мне блюдце.

— Не, спасибо. У меня холодец... — брякаю на автомате и удивленно распахиваю глаза. — Холодец!

— Что?

— У меня в багажнике холодец! Я вчера варила! Ну просто Рома достал меня со своими диетами и ПэПэ, я и решила, что тихонько пожру...

Под насмешливым взглядом я совсем уж позорно блюю:

— Только он там, наверное, уже... того...

— Умер?

— Замерз.

Вздыхнув, пытаюсь выпутаться из подушечных объятий. Как я могла забыть?

Хотя, с таким «папочкой» не мудрено. Спасибо, что имя свое еще помню.

Правда, Федя?

Ы-ы-ы.

— Пойду-ка я...

— Куда? — Тимур так на меня смотрит, будто я заговорила на латыни.

— Так это... сосать...

Его лицо мгновенно вытягивается от удивления, а до моего пьяненького мозга доходит, что язык коварно переметнулся в стан пуговиц и пальто. Предатель.

Стыдобище какое!

Мои щеки пылают так, что есть риск самовоспламенения.

Зажмуриваюсь изо всех сил и выпаливаю:

— Э-э-э, в смысле, спасти!

Боже, разложите меня уже на плесень и липовый мед.

— Мне первый вариант больше понравился, — хмыкает надо мной Тимур.

Тяжелая ладонь мягко надавливает мне на плечо.

— Сиди уж... сосательница, — продолжает глумиться он.

Жестокий человек.

Бросаю на него исплипи... исплепепе... в общем, ну очень горячий взгляд.

Тимур в ответ смотрит — ну чисто невинный агнец. Ага, только черти в зеленых глазах так и пляшут на моих костях.

— То есть, конечно, я хотел сказать спасательница.

Конечно, конечно. Ну каков каковец!

— Ключи где?

А действительно, где?

— Эм...

Я изо всех сил пытаюсь вспомнить, куда же я положила брелок. Был же он у меня в руке, когда я постучалась в дверь.

В карман положила?

Так, стоп. Карманов-то в платье нет!

— Потеряла? — жалобно мяукаю и таки кладу в рот дольку лимона.

— Степаша-растеряша, — весело произносит Тимур. — Так. Ладно. Задача ясна. Работает группа «Альфа». Всем оставаться на своих местах, пить коньяк и ждать дальнейших указаний.

Так точно. В смысле, мяу.

Тимур возвращается через пару минут с ключами и судочком холодца.

— Моя прелесть! — тяну к нему руки.

Тимур с тихим смешком уворачивается.

— Так его еще никто не называл, — подкалывает он меня.

Ай! Ой!

Только сейчас доходит, что из-за небольших проблем с координацией я тянула лапки не к холодцу в руках Тимура, а к его... джани-баклажани.

Ы-ы-ы.

Закрываю лицо руками.

— Но мне нравится.

— Прекрати, я не вынесу еще одну порцию стыда, — бормочу себе под нос. — Сейчас меня разнесет на тысячу маленьких Степаш. И все они тут будут бегать и пищать. Может, даже матерно!

— Ну, пока ты еще в одном экземпляре, — Тимур пихает мне в руку вилку. — Налегай на холодец. Вкусно, кстати!

— Правда?

Выглядываю из своего стыдливого укрытия.

Тимур реально сидит и наворачивает мой холодец.

— Мгм. С чесночком и хреном. Лед на зубах хрустит, вообще пушка!

Не знаю, плакать мне или смеяться. Но Тимур так прикрывает глаза, будто ничего вкуснее в жизни не ел, что я прикручиваю свою мнительность не минимум.

— Что там, кстати, по стендапу?

— Ты сначала прожуй, — оценивающе оглядываю его, — а то надорвусь еще.

— А связь какая?

— О, самая прямая. Вдруг подавишься.

Тяпнув еще коньячка, я начинаю свой рассказ.

Внимательно слушая про мои мытарства, Тимур поначалу только пофыркивает и похекеивает. Но к моменту баклажана и клубнички он уже откровенно ржет, стараясь не гоготать в голос.

— Дело было не бобине, — отсмеявшись, весело смотрит на меня. — Долбоеб сидел в кабине! Это я о твоём бывшем, если че. Молодец, все просрал!

— Да как-то даже жалко его...

— Ты слишком милосердна, Степа! — Тимур утирает скупую мужскую слезу. — Я бы ему еще и табло разукрасил. На долгую память.

— Да как сказать, — жму плечами. — Я ведь бригаде выложила всё, как есть. Теперь никто не расскажет им, что просто неудачно поскользнулся в душе.

— Дай пять!

Я прицеливаюсь, но, конечно, мажу, и влетаю в объятия Тимура.

— Воу! А так все стендаперши делают? — балагурит он, сграбастывая меня поближе и вжимая в свою грудь. — Или мне просто сегодня неебически повезло?

— Пусти, — вяленько требую. — Я тяжелая.

— Да лежи уж, пьянчужка. Сколько там в тебе веса? стакан костей и рюмка крови.

Его сердце бодро так стучит под моих ухом.

Бом-бом. Бом-бом.

Поелизив щекой, задираю голову.

Так-то хорошо. Даже очень.

— Чувствую себя тучкой золотой.

— Это которая на груди утеса-великана, что ли? — удивляет меня познаниями школьной литературы Тимур.

— Ага, — брякаю я и неожиданно выдаю: — Слушай, а покажешь мне какой-нибудь приемчик?

Вижу, как губы Тимура приподнимаются вверх.

— В другой раз. Обязательно.

— А он будет? — невольно вырывается у меня.

— А ты еще сомневаешься? — Скашивает на меня хитрый зеленый глаз. — Ты в логове Беркутов. А мы просто так добычу не отпускаем...

Я, выходит, добыча?

Хи-хи.

Тихонечко смеюсь и вдруг облизываю губы.

Взгляд Тимура спускается четко на них.

Мои мурашки, до этого смирненько дремавшие, мгновенно активизируются и бодро ползут от затылка вниз. Белье со снежинками вдруг становится неудобным, а в животе, кажется, завелась жизнь.

Это что еще за дебют глистов?

Пьяненький мозг тут же выдает, что по всем признакам у меня лихорадка, вызванная возбудителями *Netu Mujikanius sp.* и *Alfa Samec sp.*

Крайне опасная форма!

Характеризуется острыми периодами «один раз живем» и «боже, какой мужчина». В терминальной стадии грозит бурным и жарким сексом.

Святые подорожники! Хочу!

— Степ, — выдыхает Тимур тихо, а его сердце ускоряется. — Если я тебя сейчас поцелую, ты не выцарапаешь мне глаза?

Глава 22. И выносят меня...

Степанида

Сглатываю враз пересохшим горлом. Это же не слуховые галлюцинации на фоне стресса?

— Меня? — ворочается мой язык, пока извилины со скрипом обрабатывают информацию.

— А ты еще кого-то здесь наблюдаешь? — рокошет Тимур, и во мне всё мандражирует и пищит от восторга.

— Или я слишком тороплюсь?

А ведь да!

Ну-ка, цыц!

Обвиваю ладошкой его крепкую шею и сама не верю, что произношу это:

— Я тебя покусая, если ты промедлишь еще хоть секунду и не поце...

Ураган сметает меня как песчинку. Горячие и требовательные губы обжигают рот. Нахальный влажный язык уже вовсю хозяйничает, лаская мой.

Голова кругом. Низ живота обваривает крутой кипяточек, а потом он бежит дальше, разогревая меня до опасных температур.

«Виу-виу!» — пищат тараканы в моей пустой черепушке.

«Еще-еще!» — вторят им глисты, вытанцовывая ламбаду.

А я жмусь всем телом к шикарному мужчине, до конца не веря, что мне это не снится.

— М-м-м, — урчит тихо Тимур, проходясь дорожкой поцелуев по моей шее и втягивая запах. — Вкусная...

Он одним махом скидывает с себя футболку, оставаясь в бусах и штанах...

Последние, кстати, так оттопырены в стратегическом месте, что моя третья снежинка, кажется, позорно намокла.

Тимур снова набрасывается на мой рот.

Ох, святые градусники, выдержать бы второй раунд и не стечь лужицей прямо на пол.

Мое тело гудит как трансформаторная подстанция. Искры пробегаются по коже, концентрируясь в одном месте... в которое точно и ритмично тычется джани-баклажани Тимура.

Божечки, как же хорошо-о-о.

Тимур хмыкает, царапая нежную кожу щетиной.

Упс, кажется одна болтливая ворона прокаркала это вслух.

— Сейчас будет еще лучше, — хрипит он и ловко подцепляет мою футболку.

Вжух! — я уже трусь своими снежинками о его мускулистую грудь.

— М-м-м!

Падшая ты женщина, Степа!

Ага.

Это нужно прекращать.

Да-да. Я со всем согласная! Только отстаньте!

Сама же, как амеба, наконец дорвавшаяся до сахара, жадно лапаю широченные плечи. Трусь снежинкой о выпирающий бугор Тимура и думаю только о том — «как хорошо, что я сегодня во всеоружии и без единого лишнего волоска на теле».

В момент, когда Тимур сдвигает кружево с груди и вбирает в себя возбужденную вершинку, меня прошивает разрядом электричества такой силы, что я не сдерживаю стоны.

Боже. Боже. Боже.

Кровь кипит, горячими толчками пульсируя там, внизу.

Кусаю губы, снова и снова подмахивая бедрами. Кажется... Господи, кажется я сейчас... вот прям сейчас...

— Папочка, — раздается на грани слышимости.

Замираем, а потом как два ошпаренных кошака разлетаемся в разные стороны.

Я еще никогда не развивала таких скоростей. Но мне хватает доли секунды, чтобы натянуть на себя футболку.

— Папа, — снова зовут со стороны коридора, и я слышу шлепанье ножек по ступенькам лестницы.

Фух! Я уж думала, что капец — аморалочка.

— Олик, я иду! — отмирает Тимур и встает с дивана.

Свой срам он тактично прикрывает подушкой.

— Водички? — тихо интересуется он у дочери и выходит из гостиной.

А я и мои таракано-глисты остаемся на внеплановую конференцию.

Это что сейчас такое было, а, Степа?!

Не знаю! Оно само!

Ой, ли?! А кто тут лапками цеплялся за тренера крепче, чем Роуз за дверь от Титаника?

Дышу как паровоз. Щеки печет. Конечности ходят ходуном.

«Позорище!» — вопят тараканы.

«А нам понравилось!» — присоединяются глисты.

А ты сама-то, Степаш, что думаешь?

Облизываю зацелованные, припухшие губы, прислушиваясь к звукам на кухне.

Думаю, фраза «если снежинка не растает» абсолютно точно не применима к этому мужчине. Такой и вечные льды растопит за секунду. Одним взглядом.

Ух!

В горле так сильно пересохло, что я смело булькаю себе в бокал коньяка и жадно пью.

На экране телевизора появляются кремлевские куранты. Они беззвучно отбивают полуженные двенадцать ударов, а я впервые в жизни ничего не хочу загадывать.

Пусть всё идет своим чередом.

То ли выпитый коньяк сыграл со мной злую шутку, то ли просто батарейки разрядились, но тело вдруг становится тяжелым и неповоротливым. Веки сами собой закрываются, и я неожиданно широко зеваю.

Эх, Степа!

Борюсь с подступающим сном еще минутку, прокручивая в голове прилипчивый мотивчик на новый лад:

«И выносят меня...»

Как покойника, что ли?

Ша! Не душим!

«Куда-то там в дальнюю даль...»

Бутылкой звеня,

Бухабрь, Пьянварь... и Вискарь».

Степаш, виски же не было. Был коньяк!

Ой, да. Ковар-р-нейшее пойло.

Задумываюсь, как же срифмовать коньяк, а через мгновение уплываю в вязкую темноту.

Глава 23. Удачной охоты

Степанида

Выплываю из вязкого сна от того, что дико хочу пить. Язык лопатой прилип к сухому нёбу и не ворочается. Веки словно склеили суперклеем.

А еще мне капец как жарко. Вот прям везде. Но особенно припекает спину и ягодицы, будто я прижалась к большой батарее или мне прилепили огромный горчичник. И ноги как-то странно затекли. Не пошевелить.

На меня потолок, что ли, соседский обвалился? Ну они же вечно топают как стадо слонов с гирями в руках... или там не руки, а хоботы?

Секунду я собираю мысли в кучу и пытаюсь понять, какого лешего происходит в моей уютной спальне. А потом меня — точно кувалдой по темечку — осеняет: Степаша, ты не дома!

Ах ты ж, святые пинцеты!

Я у Тимура в его логове... или правильнее сказать в «гнезде»? Наполировала свою коробочку с серым веществом коньяком и вырубилась на его диване.

Кстати, а где сам спонсор моего похмелья?

И тут реальность наконец включается на полную катушку, будто только и ждала, когда же я прогружу свой кривой нейрософт в башке.

За ухом слышно мерное сопение «батарей».

Спина и ягодицы так крепко впаяны в каменный торс Тимура, что это грозит непроизвольной диффузией тестостерона прямо из его клеток в мои.

До кучи бетонная плита, что придавила мои ноги, оказывается его волосатым бедром.

Так стоп! Оно вчера вечером было упаковано в штаны.

Ы-ы-ы.

Как это вообще произошло?! Я же точно помню, как свернулась тут калачиком... а потом темнота.

Степаш, когда это пьяные бревна стали называться калачиками? Не льсти себе, умертвие!

Зато с бревен никакого спроса в плане кекса.

Замираю. Прислушиваюсь к себе, быстро инспектируя состояние б/у тушки.

Если не считать сваренных «вкрутую» спины и попы и занемевших нижних конечностей, никто на мой бесценный вареничек не посягал.

Даже не знаю: радоваться или плакать.

Стыд таки тоже подгружается в базовую версию моего мозга и затапливает по самую макушку.

Капец просто! Я вчера сначала нажралась, потом во всю травила байки о своей личной жизни, флиртовала с хозяином дома и под занавес позволила ему всякое...

Ой, ну вы гляньте на эту ханжу!

А кто язык в свой рот добровольно позволил пихать? А снежинки облизывать? А из трусов кто вчера только чудом не вытряхнулся?

Пристыженно покусываю губы, слушая перебранку тараканов в голове и гадая, пора ли заглянуть к нашему психиатру.

Дебют глистов не так страшен, как дебют шизофрении.

«Всякое-то хоть сколько по шкале из десяти было?»

А вот и они. Ожили. Закопошились, пригретые горячим спортивным телом.

«Девяносто девять», — тихонечко признаюсь самой себе.

Шикарный мужик под боком. Хватай и держи покрепче.

Да только нахер ему сдалась такая ходячая катастрофа, как я.

«Так что давай, Степа, не морочь Тимуру голову», — убито резюмирую, — «ноги в руки — и домой».

Пытаюсь тихонечко отодвинуться от своего секси обогревателя, но именно в этот момент спиной ощущаю глубокий вдох. А следом толчок бедрами вперед. Меня вмазывает в спинку дивана.

Задушенно пискнув, пытаюсь выбраться из-под тяжелого тела.

Горячая рука по-хозяйски так ложится на грудь — без лифчика! — и сжимает.

И-и-и.

В поясницу настырно тычется Тимурово хозяйство.

Волна жара прокатывается от затылка до крестца, а потом по тому же маршруту суетливо и бестолково несутся стада диких мурашек.

Мамочки!

Трусы-то хоть на мне?

— Доброе утро, — хрипло выдыхает мне в ухо Тимур.

Руку свою при этом так и держит на моей груди. И, похоже, убирать не собирается.

А ты против?

Вообще-то, да!

Между ног пульсирует и потягивает в болезненном предвкушении. Исключительно в знак протеста.

— Ага, — пишу и, не сдержав возмущение, добавляю: — А почему ты голый?

Горячий смешок опаляет нежную кожу на шее. Палец будто случайно проводит по напряженной вершинке.

Втягиваю воздух через зубы, когда меня прошивает током, а пульсация там, внизу, становится ощутимей.

У-у-у. Ох уж эти борцунские приемчики.

Еще и прелюдии не было, а я уже готова. На всё и вся.

— Я думал, это очевидно. Ты вчера заявила, что спать в верхней одежде запрещено Женевской конвенцией.

Блин.

— Я не могла...

— И показала мне фокус, — со смехом в голосе продолжает Тимур, легонько пощипывая мой сосок. — С довольным «опля» вытянула лифчик через рукав футболки. Я правда не понял, зачем. Но прикольно...

А нет. Могла. Узнаю свой фирменный стиль.

— А больше я ничего не говорила? — вспыхиваю сигнальной ракетой и готовлюсь к запуску на орбиту.

— На моих штанах оказалась куча микробов. Их я по твоему приказу снял, — хохмит Тимур, пробегаясь пальцами по моему подрагивающему животу вниз. — Но трусы мне великодушно разрешили оставить.

Рывок — и я уже распластана под огромным, мускулистым телом.

Глаза Тимура в рассветном сумраке почти черные, и я смотрю в них, загнипнотизированная, как глупый бандерлог.

Удачной охоты, Каа.

Глава 24. Не в ту дверь

Степанида

— Вернемся ко вчерашнему разговору, Степка, — мурлычет мой опасный сосед по дивану, вдавливаясь своим хозяйством в чувствительное местечко под третьей снежинкой. — Трахаться будем? Или я свои разбухшие шары могу больше не подкатывать?

От его прямолинейности у меня пальчики поджимаются на ногах и еще кое-что. Но последнее исключительно потому, что там уже всю хозяйничают проворные пальцы, растирая и поглаживая.

Быстро облизываю губы прежде, чем промякнуть в ответ:

— Я еще зубы не чистила.

— Окей. В рот не пока не полезу, а по остальным пунктам? Да или нет?

Сдвинув полоску белья, он погружается пальцами в меня.

Господи, я отчетливо слышу хлюпанье!

— Ах, — выдыхаю, ерзя бедрами.

Внизу живота танцуют кусачие искры.

— Это да? Или нет?

И подушечка большого пальца скользит по чувствительной горошине клитора.

Искры вмиг рассыпаются по всему телу.

— Да... — выталкиваю еле слышно, сходя с ума от ощущений.

— Принято!

Тимур выпрямляется и в секунду стаскивает с меня трусы.

— Оп-ля.

С колотящимся как у зайца сердцем смотрю, как он рвет зубами пакетик презерватива и быстро его раскатывает по своему...

Святой гиппокамп! Да оно в меня не поместится!

Что я там про жирафа говорила?! Это какой-то мутант-переросток.

— Ты хоть в курсе, что средняя длина влагалища всего двенадцать сантиметров! — пишу, во все глаза пялясь на Тимура.

— Значит, не зря под грибным дождиком бегал, — только и хмыкает он, коленом раздвигая мои ноги и устраиваясь между них.

Чувствую прикосновение налитой головки ко входу и уже готовлюсь к полномасштабному вторжению... как раздается громкий стук в дверь.

Настолько неожиданный, что мы оба замираем в нелепой позе: он во мне на полшишечки, я с вытаращенными глазами и приоткрытым ртом.

Стук повторяется.

— Блядь, — тихо и с чувством произносит Тимур. — Кого там нахуй принесло?

Полностью поддерживаю предыдущего оратора.

— Надо, наверное, открыть? — делаю робкое предположение.

Кто-то там, на крыльце, взял на себя обязанности дятла и во всю продолжает долбить.

Тимур со стоном вжимается своим лбом в мой.

— Напомни, почему нельзя убивать людей?

— Это негуманно. Мы же цивилизованные люди, — лепечу растерянно.

Он скатывается с меня и быстро натягивает штаны.

— Никуда не уходи, щас заколошмачу всех нахуй, трупы попрячу и вернусь.

Киваю. А что мне еще остается?

Тараканы спешно совещаются с глистами, а я изо всех сил напрягаю слух.

— Вы? — восклицает удивленно Тимур. — Вам чего дома не сидится?

— Соскучилась по моим девочкам, — с претензией отвечает женский голос.

С меня мгновенно слетает вся заторможенность и эротическая шелуха.

Чует моя голая пятая точка, что от трупa этой визитерши так просто не избавиться. Оно еще с месяц вонять будет.

Одеваюсь, улавливая обрывки разговора.

— Они еще спят, — недовольно буркает Тимур.

— Я подожду. Все равно такси уже уехало.

Не знаю, но мне кажется, что я слышу скрип зубов. Или это хруст позвонков?

В любом случае трупы прятать вместе веселей.

Поправив волосы, выхожу в коридор.

— Здрасьте! — Машу я рукой.

Женщина в объемной темной шубе и с кандибобером на голове тут же замолкает. Ее тонкие губы, подведенные темно-бордовой помадой, сжимаются в нитку. Глаза щурятся.

Вкупе с одутловатыми щеками она похожа на недовольную жабу.

Я так понимаю, это и есть та самая теща.

Оглядев меня с ног до головы, она надменно роняет:

— А вы кто?

Кто мы, Степ?

Снегурочка по вызову? Медсестра с навыками детского аниматора? Новая знакомая вашего зятя? Мы с ним только что едва не потрахались.

Какой из вариантов больше подойдет?

Тимур молчит, и это почему-то задевает сильнее всего.

— Я просто вошла не в ту дверь, — отвечаю как можно доброжелательней, внутри же переживая разочарование.

Крошечное такое. С кратер вулкана.

Ладно, Степашка, побаловались и хватит.

Сзади слышится топот детских ножек и громкий визг:

— Баба Пувя!

Оливия быстро спускается по ступенькам, а я, глядя в глаза Тимуру, подвожу черту:

— Но я уже ухожу.

Глава 25. Кэшбэк

Степанида

— Ой, дура-а-а-!

Галка закатывает свои карие глаза, выслушав мой сбивчивый рассказ.

— Кто же поперек паровоза-то в пекло бежит? Гордая она. И сколько твой этот Тимур молчание ягнят изображал? Секунду, две? А ты уж в голове успела его в козлы записать...

Шутливо замахиwaюсь на нее:

— Вообще-то ты на моей стороне должна быть.

— Тю! Я на стороне здравого смысла и эволюции, — фыркает она. — Такие мужики сейчас — редкость. Красная книга должна их в свой список вносить! А ты свинтила от самого горячего хера в своей жизни...

— Потихе! — шикаю на Галку, ловя любопытные взгляды от курящих рядом медбратьев.

— Да и пусть слушают! Им полезно, — весело обращается к ним она. — А тебе бы ремня по жопе.

Ковыряю снег носком ботинка и тянусь в который раз проверить телефон.

Но «полковнику никто не пишет».

Тихонечко вздыхаю и снова вслушиваюсь в бубнеж подруги.

— Ну а что мне надо было сделать, Галь? У меня дежурство, у него семья. Не торчать же там как гвоздь в заднице.

— Попросила бы тебя подвезти для начала, раз твою тачку только ломом ковырять.

Вздыхнув, выпускаю облачко пара изо рта.

Тимур предлагал вообще-то, но в тот момент я ощущала настолько дикий дискомфорт и желание как можно быстрее уйти, что просто вызвала такси.

Дура, да?

— Ладно, не пыхти ты как еж. Образуется все. Чуйка у меня, что этот краснокнижный никуда тебя уже не отпустит.

Галя запахивает на груди куртку и тянет меня с крыльца в тепло.

В раздевалке никого.

— А что там у Тимура с его этим самым... — Галя взглядом указывает вниз. — Как там оснастка? Есть на что рыбачить, м?

— Га-ля! — Хватаюсь за пылающие щеки.

— Я тридцать четыре года Галя, — фыркает она. — Колись давай, Синицына! А то вдруг там ветер гуляет.

— Нормально там все... — признаюсь через паузу, усмирив не вовремя активизировавшихся глистов. — И даже очень.

— Насколько по шкале недоеба? — деловито интересуется подруга, сверкая глазами.

Как-то раз на корпоративе наши гинекологи спорили с урологами, доказывая, что при нормальной глубине влагалища и микроскопических размерах члена, есть риск недоеба. И чем больше разница между первым и вторым, тем больше этот недоеб.

— Боюсь, там кэшбэк некуда девать будет, — мямлю, снова краснея как огнетушитель.

— А-а-а! — Галка, вопя, сгребает меня в объятия. — Одобрямс! Тогда совет вам да оргазм! Все, я побежала.

Чмокнув меня в щеку, счастливая подруга упархивает домой. А я, еще раз глянув на телефон, убираю его в шкафчик и начинаю смену.

К шести утра валюсь с ног в буквальном смысле. За время дежурства так ни разу и не присела. Организм остро требует поспать, литр кофе и обнимашки.

Грустно думаю о последних. Обниматься с Тимуром мне понравилось не меньше, чем ощущать тяжесть его тела на себе.

Но сейчас я напоминаю выжатый лимон и точно не гожусь на роль Снегурочки. Разве что Бабы-Яги. Ну или умертвия. Но этими хтонями заведует наша прекрасная Лидия Михайловна, и что-то меня к ней в секционную пока не тянет.

Зато у Егорушки все хорошо. Кто-то из персонала связал крохе желтую шапочку, и теперь наш самый маленький пациент похож на цыпленка.

— Держись там, за всех нас! — шепотом говорю ему, дотрагиваясь до смотрового стекла и кивая знакомой медсестре.

Как бы ни было плохо и тяжело, стоит посмотреть на кроху, и все проблемы уходят на задний план.

Этот славный цыпленочек, который всеми силенками цепляется за жизнь, одним своим существованием умеет зажигать в душе настоящие звезды. И как никто другой достоин самой искренней любви.

Сморгнув набежавшую слезу, прощаюсь с Егоркой и пробираюсь к раздевалке. Пора домой.

Привожу себя в порядок, игнорируя усталость. На телефон смотрю чисто на автомате и замираю, глядя на уведомления от незнакомого номера.

Сердце, наплевав на все законы анатомии, вдруг делает кульбит и с утроенной силой начинает качать кровь.

«Сани для Снегурочки готовы».

И фото моей «Мазды». Уже без бесстыже задранной жопки.

«Как насчет того, чтобы сани тебя сами до дома доставили? Обещаю только проводить до двери и не распускать член».

Невольно улыбаюсь, читая, и тут же от досады прикусываю губу.

Тимур написал это семь часов назад. Вероятность того, что он все это время меня дожидается у больницы, стремится к нулю.

Кажется, одной незадачливой Снегурочке придется добираться до дома на общественном транспорте.

И обойтись без крепкого мужского... плеча.

А не того, о чем вы, бандиты, подумали.

Повздыхав, все же пишу:

«Прости. Я только закончила и не видела твои сообщения».

Вот так. И вроде нейтрально. И вроде лично для него.

Телефон пиликает входящим, а у меня перехватывает дыхание и глисты, эти очаровательные паразиты, танцуют в животе, притворяясь безобидными бабочками.

«Жду тебя на парковке, Снежинка».

Он ждет. Меня. А-а-а-а!

Глава 26. Борщ и котлеты

Степанида

Выхожу на улицу, всё еще не веря, что это не шутка и не плод моего воспаленного воображения.

«Мазда» припаркована почти у входа. И рядом с водительской дверью стоит Тимур.

Замираю напротив, жадно разглядывая его. Хорош, чертяка. Даже в теплой куртке цвета хаки, берцах и без бус.

— Привет, — робко говорю, не зная, как себя вести после той вспышки идиотизма в его доме и своей поспешной эвакуации.

Неожиданно Тимур шагает ближе и сгребает меня в медвежьи объятия.

— И тебе привет, — рокошет мне в ухо, мягко целуя в щеку.

Млею от прикосновения щетины к мгновенно ставшей чувствительной коже.

— Устала?

Отрываюсь от него и хочу возразить, но Тимур уже качает головой:

— Можешь не врать, по глазам всё вижу. Прыгай, я тебе там для жопки обогрев починил. А я второй год не могла с этой фигней разобраться!

Тимур занимает водительское сидение, хмыкая:

— Тесновато у тебя тут.

— Куда нам до ваших танков, — фыркаю, растекаясь блаженной лужей по креслу.

А Рома, обычно, дома тебя ждал с претензиями, что вечно жрать нечего.

Морщусь, отгоняя эти мысли. Нету больше Ромы.

«Зато есть Тимур и его ровный и толстый... кэшбэк», — мои тараканы сегодня вдруг сменили сторону.

— Куда едем? — Тимур протягивает мне телефон.

Дрожащими пальцами строю маршрут, ошибаясь пару раз.

Тимур ведет спокойно и без ненужной агрессии, и я наконец расслабляюсь, а через секунду подсакиваю:

— А с кем девочки?

— К своим еще вчера отвез. Сбежала-то чего, Степ? — вдруг со смешком произносит он. — Я ж вроде не кусался...

— А ты почему промолчал? — отвечаю в тон, разглядывая его из-под ресниц.

— Растерялся. Веришь?

Он проводит пятерней по коротко стриженному затылку.

— Как сопляк перед батиным ремнем. Назвать тебя знакомой язык не повернулся. Рывк-нуть «не ваше собачье дело» — воспитание.

Стреляет в меня глазами.

— А там уж ты загазовала. Простишь старого дурака, а?

Улыбаюсь. Внутри чуть теплее от его слов становится. Потому что звучат они искренне, а не как попытка обелить себя.

— Не такой уж ты и старый. Ладно, прощу, — говорю типа задумчиво, а затем с азартом добавляю: — Но только после борща и котлет.

— Принято.

До самого дома я не могу перестать улыбаться.

— Ну вот мы и приехали, — выдаю, стараясь, чтобы голос звучал не так расстроено.

Отщелкиваю ремень.

— Спасибо, что довез.

— Я провожу.

— Да не нужно, — отнекиваюсь, но Тимур уже выходит наружу и огибает капот. Открывает мне дверь и протягивает руку:

— Я обещал.

Я помню, что еще он обещал. И от этого щеки мои щиплет сильнее, чем от мороза.

Тимур по-хозяйски забирает у меня сумку и достает из багажника объемный пакет.

— Борща не наварил, но мои пельмени ничуть не хуже, — поясняет на мой недоуменный взгляд.

Проходим в подъезд и поднимается по лестнице на мой этаж. Отпираю дверь и мнусь на пороге.

От волнения у меня не сразу выходит сказать:

— Хочешь чаю?

В ответ Тимур окатывает меня таким горячим взглядом, что я вмиг потею под теплой курткой.

— Хочу.

Мы же о чае сейчас говорим, да?

В прихожей возникает небольшая заминка. Топчемся на одном месте в тесном пространстве, пристраивая вещи.

Руки сталкиваются, напряжение нарастает.

— Тапки надо? У меня где-то были...

Бестолково открываю ящики.

Нет у тебя, Степ, никаких тапок. Ты просто отчаянно трусишь.

— Не суетись ты, — Тимур мягко подталкивает меня вперед. — Иди пока раздевайся... в смысле переодевайся. Кухня где?

Показываю направление и действительно ухожу переодеваться. Заныриваю в новенькую пижаму с божьими коровками.

«Исключительно потому, что старая пижама не такая удобная», — уговариваю себя, поправляя лямки.

«Да-да, и грудь у тебя в ней смотрится аппетитней», — поддакивают глисты.

За стенкой слышу приглушенные звуки на кухне.

Поверить не могу, что сама предложила ему остаться. Сердечко мое волнительно настукивает какой-то бодрый мотивчик, руки дрожат, а по телу курсирует предвкушение.

Естественно завтрака пельменями!

Сажусь на кровать, буквально на минуточку. Просто, чтобы с мыслями собраться...

... и просыпаюсь, укрытая пледом.

Первые секунды пытаюсь сообразить, как я могла уснуть на неразобранной кровати и сколько я проспала, а потом до меня доходит...

— Тимур!

На мой испуганный окрик он заглядывает в спальню, принося с собой такие аппетитные запахи.

— Проснулась? Ну и отлично! Жду тебя на кухне.

Он мягко улыбается, будто не проторчал несколько часов, ожидая, когда я выдохнусь.

Прикрываю пылающее лицо руками.

Стыдобища!

На кухню я выхожу спустя пару минут и десяток ментальных оплеух.

Тимур стоит у раковины, намыливая губку. На плите парит в кастрюле борщ, под крышкой сковороды угадываются котлеты. А у меня щемит в груди так, будто сейчас инфаркт прихватит.

Никто подобного для меня никогда не делал.

В порыве чувств прижимаюсь к широкой спине, упакованной в свитер, обвиваю торс руками.

— Спасибо. И прости, что уснула... ты, наверное, голодный.

Тимур замирает, выключая воду.

В этой тишине я слышу, как громко стучит его сердце.

— Степа, я ж не железный, — тихо роняет он, накрывая мою руку горячей и мокрой ладонью.

— Очень хорошо. — Улыбаюсь, не веря, что говорю это вслух. — Потому что твое предложение не распускать член меня дико расстроило...

В следующую секунду Тимур разворачивается и подхватывает меня на руки.

Целует жадно, царапая кожу щетиной. По телу прокатывается ток. Отвечаю со всем накопившимся жаром, вцепившись в его плечи.

Мы уже в спальне. С писком лечу на кровать. Тимур одним движением избавляется от свитера.

— Ну держись, Степка, я пиздец какой голодный!

Глава 27. Форменное издевательство

Тимур

Смотрю на Степу и мечтаю ее сожрать. Всю: от макушки до розовых пяток.

Форменное издевательство, а не женщина.

Что-то в своей голове напридумывала и гордая упиздовала в закат. А у меня яйца, как осколочную, едва не разорвало вместе с мотором.

Грымза эта старая еще пришкандыбала в лучших традициях «кто ходит в гости по утрам».

Так вот. Это нихуя не мудро!

Я б еще добавил сочных

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.